

ДОРОГА СИЛЬНЫХ

НА
ПОРОГЕ
МИРА

АННА ПОПОВА

Анна Попова
Дорога сильных.
На пороге мира
Серия «Young Adult.
Противостояние сил»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70107280
Дорога сильных. На пороге мира: АСТ; Москва; 2024
ISBN 978-5-17-160587-2*

Аннотация

В этот мир забрали многих, но выжили далеко не все. Линде повезло не погибнуть – но и только. Близкий человек умер у нее на руках, магическим даром обделили, а судьба простой девушки не для нее.

Виктор любил фехтование, но никогда не думал, что это пригодится в реальной жизни. Теперь он воин, который может рассчитывать лишь на свои умения.

Они помнят больше других, но память подводит, подкидывая чужие воспоминания. Маг, спасший из рук врагов, хранит свои темные тайны. А по лесам рыщут те, кто снится в кошмарах, не оставляя попыток найти выживших – выходцев из иного мира. И близок час, когда у них это получится.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	25
Глава 3	47
Глава 4	62
Глава 5	77
Глава 6	92
Глава 7	115
Глава 8	130
Глава 9	144
Конец ознакомительного фрагмента.	155

Анна Попова

Дорога сильных

На пороге мира

*** * ***

© Анна Попова, текст, 2023

© Мария Фаткина, иллюстрации, 2023

© Мария Тарасова, иллюстрации, 2023

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2024

Глава 1

Мия

Она проснулась, громко вскрикнув, и села рывком. Сердце колотилось как сумасшедшее, тело дрожало, а в уши будто ваты набили – до того тихой показалась комната после шумного сна. Чужого сна.

...воплъ матери до сих пор отдавался болью в теле. Крутил внутренности и звенел в голове. Лиза упала на колени в желто-серый песок и зарыдала.

– Вставай!

Сестра сцепилась не хуже бульдога, потянула. Лиза затрясла головой.

– Вставай же уже! Иди!

Идти не хотелось. Хотелось лечь рядом с мамой и больше не шевелиться, не чувствовать. Как она.

Мия крепко зажмурилась, провела ладонями по лицу,

стирая слезы и пот, а вместе с ними и липкую паутину кошмара. Опять Лизкины сны которую ночь спать не дают. Будто своих мало.

Реальность вползала в нее медленно, включала звуки и запахи. Тихий храп кого-то из приболевших девчонок, ровное дыхание Маргариты на соседней лежанке. Пахло деревом, смолой, сушеными травами, дымом и немножечко пóтом.

Тихо, замирая от каждого шороха и скрипа матраса, набитого сеном, девочка сместилась вниз. Встала, придерживаясь за доски над головой – на втором ярусе тоже спали, – и перешагнула через ноги Алины.

Деревянный настил здесь был широченный, и ложились по двое. Шестеро внизу и четверо наверху. У другой стены, на мужской стороне, были такие же лавки с матрасами, с той лишь разницей, что не висели перед ними полотна ткани, изображая мнимое уединение. Посередине очаг и две основательные скамьи, у стены – сундуки для одежды. Вот и все убранство общей спальни.

Мия коснулась босыми ногами пола, поежилась. Весна к концу идет, а ночью порой холодно, как в середине марта. Зашарила по полу, разыскивая кожаную обувь. Каждый вечер она ставила ее перед своей постелью, но так редко находила потом на месте: кто-нибудь обязательно сбивал, путая свое и чужое.

Широкая занавесь, почти в размах ее рук, подсвечивалась рыжим: кто-то встал среди ночи и подбросил в очаг дров.

Интерес, досада, волнение – чужие эмоции коснулись ее невесомым дыханием. Пальцы замерли у щиколотки, так и не затянув шнурки. Затылок будто чесался от постороннего взгляда.

Мия задрала голову вверх. Линда смотрела, свесившись с лежанки. Темно-рыжие волосы пушились вокруг головы, а глаза, днем зеленые, сейчас казались черными.

– Опять сны? – едва слышно спросила девушка.

Мия кивнула, прикусив губу. Почти месяц прошел, но всем продолжало сниться тревожное – тот день и прошлая жизнь. Даже мальчишкам. Даже тем, кто не признавался.

– Милая моя. Хочешь, вместе полежим? Лезь ко мне, только тихо, чтобы Хильда не разоралась.

Снова лечь? Ну уж нет. Не сейчас. Горечь чужого сна забила горло, и ей нестерпимо хотелось...

– Пить, – хрипло выдохнула она. – Я хочу пить. И на воздух.

Вместо ответа Линда спрыгнула вниз. Легко, едва слышно. Лишь качнулось от порыва полотно да мелькнули голые ноги. Оправила рубаху и улыбнулась. Мия, отдернув полог, шагнула прочь, на общую середину.

Замерла, ожидая окрика Хильды, старой хромой ведьмы, что присматривала за девчонками и спала тут же, на скамье. Но было тихо, и Мия поежилась. Зябко и очень тревожно, но почему – не понять.

– А ведьмы-то нашей нет, – громким шепотом возвести-

ла Линда, которая скользнула мимо девочки, обдав теплом с запахом ромашки и мяты. – И Торна тоже. Странно все это.

Странно – не то слово. Торн, воин тэна Рейнара, пожилой, но еще крепкий мужчина, ночами предпочитал сон. Хильда же и вовсе от девушек далеко не отходила и все ворчала, что не ткань у постелей вешать надо было, а стену ставить. Да покрепче. Столько юнцов в одном доме – не к добру.

Мия вздыхала и мысленно с ней соглашалась. А еще – мечтала о собственном уголке, пусть чуланчике, но отдельном.

Ей и раньше-то было сложно с людьми, чужие эмоции липли настойчиво, порой накрывая с головой. А тут... Двадцать ребят в одной комнате, а с ведьмой и воином и того больше. И для местных многовато, а уж для деток иного мира вовсе чересчур.

Иногда все эти люди казались девочке единым существом, многоруким и многоногим, дышащим невпопад, чихающим, стонущим и храпящим.

Иногда казалось, что она сойдет здесь с ума.

– А давай-ка ты в кровать вернешься, а я за водой схожу, – предложила Линда.

Пальцы ее взлохматили рыжую гриву, и без того растрепанную, взгляд просверлил дверь, ведущую на хозяйственную часть дома.

Волнение, и азарт, и самая капелька страха – как приправа для ощущений. Чувства девушки, кажется, передались и ей,

и Мия мотнула головой.

– Я здесь не останусь, – прошептала она.

Линда шагнула к своей лежанке и через минуту уже вернулась, в штанах и подпоясанная. Щеки Мии полыхнули жаром, она кинулась к своему месту – натянуть юбку. Сейчас бы из комнаты в одной рубашке выскочила! И пусть та закрытая и до середины бедра, но по местным меркам в таком виде ходить жуть как неприлично.

– Идем, – сказала Линда и шагнула к двери.

Заботливое участие, интерес, легкая злость. Мия протянула руку, чтобы коснуться спины Линды, но предупредить не успела.

– Лин.

Та вздрогнула и обернулась. Взгляд девочки заметался от Виктора, его синих глаз, в которых чудился укор, к зеленым глазам Линды, сердито сощуренным, полным негодования. Упал на ладони девушки, скользнул по стали ножа. Мия на вдохе ахнула, пальцы взлетели к губам, гася вскрик. Витька хмыкнул.

– Опять за нож хватаешься?

Девушка вздернула подбородок.

– И что? Мне так спокойнее. Я же не Марго.

– Да, ты не Марго, – согласился парень. – Собрались куда?

– Не твое дело.

Виктор вздохнул.

– Лин, не начинай, а?

Девушка фыркнула, ладони ее уверенно отправили оружие в ножны на поясе. Нож полагался каждой взрослой свободной девушке, но только Линда хваталась за него с такой охотой.

– Ни Хильды, ни Торна, – задумчиво проговорил Виктор. – И Дениса увели.

– Чего?!

Одна из девчонок тоненько вскрикнула во сне, другая на нее заворчала.

– Тише ты! – шикнул на девушку парень, – всех перебудить...

Он сказал что-то еще, но Мия его уже не слышала. Сердце бухнуло, пульсация затопила тело, отдаваясь глухими ударами в ушах. Девочка хватанула ртом воздух, задыхаясь, пытаюсь не поддаваться панике. Качнулась, и под колени ткнулась скамья. Рухнула на нее, вцепилась пальцами в край, неумело выстраивая барьер, но волна, липкая, мерзостная, уже схлынула. Быстро, словно и не было ее.

– Ты чего?

Линда уселась рядом, красивое лицо исказилось тревогой. Мия сморгнула слезы.

– Не знаю, – прошептала она. – Там... что-то творится. И мне надо на воздух.

Парень с девушкой переглянулись и, не сговариваясь, повели – едва не потащили – ее к выходу.

За дверью, в общем зале, было тихо, похрапывал только,

прикорнув на лавке, кто-то из воинов. Еще два голоса слышались от угла, где хранили воду в бочках, и Мия, шепча заветное «пусть нас не увидят», обогнула столы со скамьями и шагнула за порог.

– Ну как, легче?

Девочка глубоко вздохнула.

– Да, но...

Ночной воздух, пахнувший свежестью, соснами и дымом жаровен, едва не звенел от творимой магии. Повела пальцами, будто окуная их в поток, и нахмурилась.

– Плохо, – уронила она и облизнула пересохшие губы. – Если бы магия была водой, я бы сказала, что она соленая и пахнет металлом. И...

– Кровью, – произнес Виктор.

Девочка метнула на него взгляд. Тоже чует? Нет, не может быть.

– Иди-ка в кровать...

– Нет.

Она не стала объяснять, что чувствует за спиной чужое недоумение: вроде и видел кого, но – кого? И видел ли? Но назад сейчас не вернуться, такие трюки легко не выходят. А значит, надо идти вперед.

Туда, откуда магией «пахнет».

Зачем? Сама себе бы не ответила.

Она метнулась от двери, двигаясь вдоль стены. За спиной чертыхнулись тихо, в несколько шагов догнали. За руки хва-

тать не стали, и на том спасибо.

– Там, – сказала она, огибая очередной сарай и останавливаясь на границе света.

Маленькая деревенская площадь, на другой стороне – дом, старый, длинный, на невысокой крыше трава проросла. Не дом, а сарай для скота какой-то. Может, таким и был – до всего этого.

– И что там? – нетерпеливо спросила Линда.

Мия стиснула пальцами плотную ткань юбки. Она могла бы сказать, что людских эмоций так далеко не чувствует, а в магии, как Павел или Рита, не разбирается. Да и что магия эта – грязная, на крови замешенная – там есть, поручиться не может.

– Не знаю, – ответила Мия и опустила голову.

От Линды дохнуло раздражением, но девушка быстро взяла себя в руки. Улыбнулась, шепнула:

– Ничего. В любом случае это интересно.

Мия скривилась. Все они считали ее если и не больной, то... с особенностями. И Линда не исключение. Девушка была неизменно доброжелательна, но всегда так осторожна, словно опасалась ненароком обидеть или спровоцировать паническую атаку. Это умиляло и бесило одновременно.

– Хильда.

Девочка вздрогнула, оглядываясь, и Виктор кивком указал на дом-сарай. Дверь уже закрывалась, но Мия успела разглядеть в освещенном проеме знакомый силуэт. Ведьма за-

хромала через площадь, мимо жаровни, у которой грелась парочка мужчин. Огонь выхватил из темноты ее наряд – сапоги на шнуровке, какие бывают у воинов и охотников, синяя шерстяная юбка, рубашка и *шолла* – накидка-фартук с двумя большими карманами. Женщина сделала пару шагов, и осветились темные с проседью волосы под косынкой и лицо: крупный нос, губы, сжатые в линию. Черные глаза глянули, казалось, прямо на Мию, и девочка шарахнулась в тень. Сердце бухнуло, заколотилось.

– ...Мия, – донеслось как сквозь вату.

Виктор схватил за плечи, развернул к себе.

– Слышишь меня?

Она медленно кивнула.

– В комнату возвращайся. Только не здесь, а через конюшню. Увидит кто – говори, что приспичило выйти, заблудилась. Поняла?

Легонько сжал ее плечи, и она будто очнулась.

– Я не смогу. Я врать не умею.

– Самое время научиться, – пробормотала Линда.

– А вы?

Парень глянул на девушку, та высунулась из-за угла и, шипя что-то недоброе, сразу же отпрянула.

– Не успеет.

– Мы отвлечем, – сказал Виктор, и губы его дрогнули в шальной усмешке.

Девочка кивнула, с изумлением наблюдая, как рука пар-

ня скользнула Линде на талию, притянула ближе, уверенно, словно это дело обычное. «Сейчас огребет», – болезненным любопытством застучало в голове. Врежет она как пить дать, или словом, или чем-то более материальным. Кулаком, например.

Не врезала.

– Беги уже.

Ладонка Линды пристроилась на плече у Вика.

– С ума сойти, – прошептала Мия и, держась стены дома, быстро зашагала к воротам сарая, приспособленного под конюшню.

За спиной послышался гневный окрик Хильды, голоса ребят, которые виновато оправдывались. Девочка не обернулась, сосредоточилась лишь на ощущениях и дороге. Небо на востоке светлело, следовало спешить. Джеррские ночи в конце весны короткие, а летом солнце и вовсе едва заходит. Север, что тут скажешь.

Вот и конюшня. Обогнуть ее, пройти огородами вдоль частокола – на этом участке охрана редко встречается – и окажешься возле дома. Дома... эх! Мия замерла, ткнулась лбом в стену. Тихо, как же там тихо! Тепло, темно, тихо. Спрятаться бы ото всего. Зажмуриться и поверить, что, когда откроешь глаза, все исчезнет, словно дурной сон.

Нет. Не выйдет.

Она – здесь. Сейчас. И надо бы не высовываться из спальни, даже если не спишь. Сидеть тихонькой мышкой, притво-

ряться, что все нормально, что она всем довольна и странные сны и ритуалы не смущают совсем.

Ей не нужны ответы.

Но она – здесь. И может что-то узнать. Не для себя, для других. Для Витьки, что таится, но тянется к истине. Тимура, вечно хмурого, с закрытыми для нее мыслями, но такого открытого в остальном. Линды, что мечется, не доверяя своей памяти, не зная, где истина, а где ложь. Для тех, кого считает друзьями.

Девочка выпрямилась и двинулась вдоль стены. Совсем не в ту сторону, куда собиралась вначале: за углом была деревенская площадь, вовсе не огороды. Вдохнула, выдохнула, успокаивая биение сердца.

Тут пьют, там ругаются, на смотровой вышке отчаянно хотят спать. Магия вновь густо разлита в воздухе, от старого дома-сарая просто разит.

– Я не герой, – выдохнула девочка и пошла дальше.

Ноги, словно чужие, понесли вперед, мимо мужчин у огня к старому дому с заросшей травой крышей. Кто-то окликнул, она сделала вид, что джерра не понимает, да и вообще слышит плохо. «Раз-два-три-четыре...» Считая шаги, как по ниточке, шла она к дому, а взгляд ловил детали. Чья-то ладонь на рукояти меча, топорик с гравировкой за поясом, кожаные браслеты на предплечьях, кольцо с варварски огромным рубином, но не на пальце, а на шейной гривне. Волосы, распущенные или забранные в низкий хвост, бороды, корот-

кие и подлиннее, заплетенные в косы. Колючие голубые глаза. Запах пота, лошадей и алкоголя. Сила и ярость, которая как бойцовский пес на коротком поводке: стоит лишь спустить – порвет всех.

Она подошла почти вплотную, чувствуя, как ее, такую маленькую, обступают кругом эти медведи, удивленные, раздраженные, но еще не злые.

– Чего надо?

Повернула голову влево, взгляд уткнулся в широкую мужскую грудь. Старенькая, но чистая льняная рубаша с затейливой вышивкой, шерстяной плащ, заколотый фибулой. Посмотреть выше не решилась. Собственный голос был похож на писк:

– Грен Лусар нужен.

– Занят.

Куснула губу, вздохнула прерывисто. В глазах дрожали слезы.

– Очень нужен.

Ей и вправду хотелось плакать – от холода, жажды и страха. Но лишь передернула зябко плечами и задрала голову, заглядывая в глаза. Мужчина поморщился, буркнул что-то на джерре и исчез в доме.

«Пожалуйста, только не говорите со мной! Не обращайтесь внимания...» – взмолилась мысленно Мия и приготовилась к долгому ожиданию. Но дверь распахнулась быстро, пропуская воина обратно. Девочка вытянулась, скользнула

взглядом внутрь в надежде что-нибудь рассмотреть. Плотный дым клубами по полу, спины мужчин, светло-рыжая шевелюра – уж не Юлина ли? И еще один человек, чье появление заставило сердце прыгнуть к горлу.

Раздражение и досада – яркие, живые эмоции. Коснулись на миг, и тут же он закрылся, будто вспомнив, с кем имеет дело.

– Мия?

– Д-да, – отозвалась девочка и встретила взглядом с женщиной, прикрывшим за собой дверь.

Глаза грена Лусара, большие, карие, смотрели внимательно и, казалось, лезли в самую душу, выворачивая наизнанку. Она моргнула, уставилась на нос. Хороший нос, прямой и с небольшой горбинкой, как у римских статуй в Эрмитаже. Говорят, у всех таэллийцев такой. А рот неприятный, с губами пухлыми и какими-то немужскими. И сам маг хоть и нетолстый, но холеный, мягкий на вид. Подбородок брит, темные волосы аккуратно стянуты в низкий хвост. Одежда богатая, густо украшена вышивкой, на груди рядами цепи с подвесками. Сразу видно – не воин. Не то что местные.

На нем ее чутье всегда пасовало, оставляя лишь сухость во рту и неясную тревогу.

– Ты искала меня?

– Да.

– Зачем?

Мия облизнула пересохшие губы.

– Я... не знаю. Мне тревожно. Опять эти сны. Снова тот день...

Она замолчала, комкая в ладонях ткань юбки, понимая: заговорила о том, что волнует. Что никак не перестанет волновать. Мужчина кивнул, призывая продолжить. Мия вздохнула.

Да, тот день, для кого-то обычный – середина лета, жара, каникулы, – для нее оказался переломным. В город она выезжала редко, а тут – решили. Мие неделю как четырнадцать исполнилось, а с подарком она так и не определилась. И... бабушка настояла, да еще и Марту Ивановну с ней отправила. В торговый центр, по магазинам прогуляться, развеяться.

Хорошо хоть сама не поехала, иначе девочка потеряла бы их обеих.

Поначалу все было весьма неплохо, даже люди – веселые или раздраженные зноем и своими проблемами – не очень пугали. Да и не так уж их много было, разве что возле кинотеатра, где опять показывали что-то новое, крутилась молодежь. Марта Ивановна двигалась, словно крейсер: от книжного мимо фудкорта к магазину для творчества. Мия тащилась следом. По нервам, вечно оголенным, били чужие эмоции.

Миг, когда все изменилось, кажется, уловила она одна. Раз – и к обыденной круговерти словно прибавился чей-то взгляд, недобрый, внимательный. Девочка споткнулась, заозиралась в попытке найти его, а найдя – укрыться подальше.

ше. Стало душно, будто разом все системы переключились на обогрев. Подул ветер, вздымая пыль, ноги увязли в песке. В песке?! Мир, такой простой и привычный, качнулся, стал рыжим и зыбким, и другие люди наконец-то это заметили. Женщина с малышом, столик которых они только прошли, закричала, громко и страшно, и крик этот резанул по ушам. Мия дернулась с места, каким-то чутьем ощущая: тот свет впереди – единственный выход.

Ветер рвал волосы и сушил слезы, вбивал воздух в горло, мелкие камешки секли кожу, а девочка шла и шла сквозь эту пыльную бурю. Не оглядываясь. Не пытаюсь понять. Почти не слушая крики других людей. А они кричали. Визгливо и на надрыве – женщины, зло и болезненно – мужчины. Обреченно ревели малыши на детской площадке. Замолкали слишком быстро, и Мия запретила себе даже смотреть на них.

Она не могла помочь.

Ничем.

Никому.

Знание это пришло вместе с тем взглядом, что давил со всех сторон, вместе с ветром и зноем, вместе с болью, пронзающей тело, и все, что ей оставалось, – идти. Двигаться к мутной цели в надежде остаться в живых.

– Что ты молчишь?

Девочка разлепила пересохшие губы, выдохнула:

– А что мне сказать? Все это было... страшно. Слишком

страшно, чтобы думать об этом. Они... они падали и оставались там. И умирали, я знаю. А я...

Она втянула со всхлипом воздух и зашептала едва слышно:

– ...я двигалась дальше. Хотела помочь им, правда, но... не сделала и шага в их сторону. Я не могла... и это неправильно. Ведь были те, кто смог. Были же?

Закусив губу, девочка замолчала. Пальцы до боли стиснули ткань юбки, сжатую в кулаках. Некстати вспомнился сон. Если обе сестренки здесь, значит, кто-то кого-то вытащил. Но как? Каждый сам за себя... или нет?

Лицо грена Лусара, слепок равнодушия, не выражало ничего. Глаза изучали ее бесстрастно, как подопытного зверька. Она и чувствовала себя этим зверьком, маленьким кроликом перед удавом. Но вот восковая маска дрогнула, губы сложились в участливую полуулыбку.

– Бедная девочка, ты дрожишь. Подойди ближе. Сядь.

Мужчина шагнул к ней, и Мия едва сдержалась, чтобы не отпрянуть. От него пахло мылом, травами и... кровью. Коснулся ладонью ее спины, легонько подталкивая к стене, у которой лежало бревно.

В лицо вновь дохнуло теплом и чем-то горьковато-сладким, дверь приоткрылась, высунулся грен Иртен. Щуплый, рыжий, вечно какой-то всклокоченный, по виду лет двадцати восьми, не больше.

– Лусар, ты скоро? Мы...

– Жди! – коротко оборвал его старший маг.

Рыжий скривился, но возражать не стал. Глянул с интересом на Мию, будто лишь сейчас ее обнаружив, губы растянулись в ухмылке, но снова ничего не сказал. Исчез за дверью.

А Мия опять ничего не увидела.

– Садись, – велел мужчина и, зачерпнув из бочонка, сунул в руки ковшик. – Пей.

Он смотрел внимательно, и девочка пригубила воду.

– Ты правильно сделала, что пришла ко мне. И тогда, при переходе, все было как должно. Ты не могла им помочь. Ни ты, ни кто-то другой. Они были стары или слишком юны, чтобы выдержать такое. Ты сильная и потому выжила. Не грусти о тех, кто остался, такова их судьба.

Он говорил медленно, будто не доверяя памяти, хотя русский выучил на удивление хорошо. Пробовал на вкус слова чужого языка, и голос, мягкий, как у заботливого дядюшки, обволакивал и расслаблял. Мия передернула плечами. Грен Лусар хищно втянул носом воздух.

– Ты хочешь, чтобы я помог?

– Я... да... не знаю. Прости, – пробормотала она, потупившись.

– И часто ты ходишь ночами?

– Что? Нет.

– Ты ведь чувствуешь что-то?

Он повел рукой, Мия стрельнула взглядом и вновь уставилась в кружку. Чует ли она, что здесь разит магией, гряз-

ной и неправильной?

– Я... не знаю.

– А может, ты хочешь узнать, что там?

Девочка помотала головой и встала.

– Нет. Я, пожалуй, пойду.

– Ну же, – подбадривал он, и голос лился медом, а глаза обжигали холодом. – Смелей.

Мия отступила на шаг.

– В любопытстве нет ничего страшного. Ты же за этим пришла?

Сердце затрепыхалось у горла, показалось, что именно сейчас решается ее судьба. Мия отступала еще и еще, пока не уперлась в стену.

– Н-нет.

В два быстрых шага он оказался рядом. Она отпрянула бы, если б было куда. Пальцы, холодные, влажные, взяли за подбородок, приподняли, заставив встретиться взглядом. У карей радужки мага были желтые точки и черная кайма.

– Кто прислал тебя?

– Никто.

– Говори.

– Никто меня не присылал! Я сама пришла.

– Сама, – с непонятной усмешкой протянул он и прищурился.

В ушах зазвенело, дыхание застряло в горле. Мия охнула и зажмурилась, пытаясь избавиться от мерзкого чувства чу-

жого присутствия в голове.

– Сильная, – донеслось как сквозь вату, – хорошо.

Маг отпустил, отступая на шаг.

– Иди. И не суйся больше не в свои дела.

Все тепло из голоса будто ветром выдуло. Лицо – равнодушная маска, глаза – темный омут, и запах – крови. Мия со всхлипом вдохнула, оттолкнулась от стены и, не разбирая дороги, побежала прочь. Бум-бум-бум – грохотало в ушах, а ей казалось, что бегут за ней. И когда сильные руки сгребли ее, отрывая от земли, взвизгнула, забилась пойманной птицей.

– Тихо. Да тихо ты! – шикнули прямо в ухо, удерживая на весу. – В комнату отведу, к остальным. Грен Лусар нынче добрый.

Девочка обмякла в руках, не зная, рыдать или смеяться. Добрый? О да, добрый! Как сытый хищник, которому до добычи пока дела нет!

Ее не вели – несли. Каждый шаг отдавался в голове, Мия морщилась и зарывалась носом в колючий плащ. Мужчина пах пóтом, луком и шерстью, и ему она доверяла больше, чем магу.

Хильда, странное дело, не ругалась. Выгнала из общего зала мужчин, пошуршала на кухне, громыхая посудой, пока Мия сидела, дрожа, на лавке. Предложенное питье оказалось теплым молоком с травами и медом.

– Девочка моя.

Она не заметила, как на плечах оказалось одеяло. Женщина притянула ее ближе, и Мия ткнулась носом Хильде в плечо. Она рыдала, а старая ведьма гладила по спине и шептала что-то, путая русский и джерр.

Глава 2

Маргарита

Разговоры за столами кипели, как кофе в турке, позабытой хозяйкой. И пусть в общем зале осталась едва ли половина ребят, слишком многим хотелось знать, что же было ночью. Говорили, правда, больше не про Мию, а про Виктора с Линдой, благо их обоих не было в зале. Но кое-кто и девочку одарил вниманием, совершенно для нее лишним.

– Не, ну ты сумасшедшая! – трагическим шепотом сказала Алина, и ужас в ее темных глазах плескался вперемешку с восторгом. Она почти улеглась на стол и, подперев ладонью подбородок, заглянула Мие в лицо. – Я бы ни за что ночью на улицу не поперлась.

– Тише, пожалуйста, – зашипела на девушку Рита.

С опаской покосилась на Мию. Та сидела, сцепив на коленях руки, отрешенная, как с ней часто бывало. К еде даже не

притронулась, лишь пила изредка, осторожно и понемногу.

– Не, ну правда! Не поперлась бы. Там эти Снуровы мужики, да и сам маг... бррр!

– Так что там было-то? – обернулся сидящий за соседним столом Юра. – А то разное говорят.

– Знаешь, Юр, это вообще не твое дело, – холодно заметила Рита, – жуй лучше да помалкивай, а то суп стынет.

– Маргаритка, – парень улыбнулся ясно и белозубо, – не будь злокой. Мы же знаем, ты добрая душа.

Девушка нахмурилась и сердито откинула длинные косы на спину.

Юра. Этот парень слишком плечист и смазлив для своих почти восемнадцати. Голубоглаз, блондинист, весьма обаятелен – оттого и нравится дурам всех возрастов. Чем не стесняется пользоваться.

Алина так и вовсе от него млеет, растекаясь по лавке. Вот и сейчас: повернулась назад, стрельнула взглядом, а после уставилась, широко распахнув глаза, и пропела ласково:

– Миюшка наша ходила к грену Лусару ночью. Поговорить – о снах там или еще о чем...

Осеклась, чувствуя тяжелый взгляд Риты. Плечами пере-дернула.

– Не, ну а что? Разве же это тайна? И не смотри на меня так, как будто прибить хочешь.

– Я все гадаю, Алин, когда ты научишься думать прежде, чем говоришь. И вообще говорить поменьше.

– Ха! – возмущенно выдохнула та, еще шире распахнув глаза с длиннющими ресницами. – Я тебе не хамила, вообще-то.

– Да разве же это хамство?

– Ой, все. Что-то мне расхотелось сидеть с тобой за одним столом.

– Можешь пересесть, я не держу.

– А вот и пересяду!

Алина встала, юбку повыше задрала, чтобы перелезть через две лавки, – так, что над чулками мелькнула полоска смуглой кожи. Потянулась за тарелкой и кружкой и завалилась бы, не придержи ее за талию Юра. Девушка улыбнулась ему, волосами черными тряхнула, шоллу одернула, обтянув грудь.

Ох, кокетка. И ладно бы только со своими, так еще и воинам глазки строит. Тренируется, что ли, чтобы навык не растерять?

Рита покачала головой. Алина – милая и миниатюрная, округлая в нужных местах и симпатичная на лицо. Из тех девочек, что дружат с мальчиками постарше, предпочитая учебе отношения, и в загс бегут сразу после школы. И даром что ей только пятнадцать, а мужа себе найдет раньше старших девчонок. Если перестанет, конечно, заглядываться на Юрку – ему-то она как раз не нужна.

То, что нужно ей, он не даст.

Алина расправила юбку, будто бы невзначай коснувшись

Юркиного колена. Рита отвернулась. Заигрывания эти – их дело, она им не нянька. Мия сидела, по-прежнему уставившись в стол.

– Поешь уже хоть что-нибудь, – выдохнула Рита, беспокоясь за девочку.

– Я не хочу.

– Надо.

Мия замотала головой. Рита вздохнула. Поселить бы ее в доме на краю леса, да так, чтоб людей видеть не чаще раза в неделю, – и будет эта девочка счастлива.

– Не надо меня жалеть, – едва слышно прошептала Мия.

– Извини. Я слишком громко думаю?

– Не слишком. Но я устала.

Рита грустно улыбнулась.

Она тоже устала. Очень сильно, почти невыносимо устала за этот сумбурный и жуткий месяц в новом мире. Ребята все пережили: и страх вместе с яростью, и черную пелену уныния, и тоску по родным и дому, и странный период отупения, когда не хотелось вообще ничего. Слезы были, много слез, особенно у младших девчонок, тех, что потеряли родителей. Старшие держались как могли, но и им едва хватало сил, чтобы не рыдать по ночам в подушку.

Освоились, привыкли.

Человек вообще ко всему привыкает.

И память о том дне истерлась и посерела, словно застиранная одежда. Маги говорили, что так и должно быть, и это

бесило. Как и всякая неудобная правда.

– Идем, – велела Рита. – Оставь все, не наша очередь прибираться.

На улице было солнечно и тепло. Дом, в котором разместили ребят, стоял на окраине, и ветерок кидал в лицо не вонь скотного двора или нужников, а запахи дыма, мокрой земли и близкого соснового бора.

– Ну что, идем искать наших горе-любовников?

Щеки девочки порозовели.

– Они просто Хильду от меня отвлекали.

– Но ей лучше об этом не знать, так ведь?

Виктор

День выдался на удивление ясным и теплым для здешних широт. Яркое, словно умытое, солнце, прозрачное высокое небо, легкий ветерок.

Эти места, южно-центральный Джерр, напоминали Виктору юг Карелии: те же камни, мхи и сосны, только немного суше и гористее. Ледяные ручьи и озера, скалы и валуны причудливых форм, бесконечный лес на километры во-

круг. Прекрасный в своей суровости край, отделенный от Закатного океана цепочкой Ошских гор и расстоянием. Ветра здесь дуют с севера или с запада и изредка – с юга, со стороны Энейских болот и отрогов Эргота. Тот еще медвежий угол: ни дорог нормальных, ни крупных селений. Хорошее место, чтобы спрятаться от чужих глаз.

Эта деревня явно знавала лучшие времена, была больше и населеннее, а сейчас часть построек разобрана, часть стоит, покосившись, ветшает. Давным-давно здесь пролегал один из путей в Арденбург, город в Ошских горах, а сейчас то были Арденские *темные земли*, и такое соседство в одном дне пешего хода отпугивало многих.

В любом случае это на руку, ведь внутри частогокола нашлось место и для дома ребят. Поставленного наспех, без резьбы на столбах и прочих украшений, и для зимы неплохо бы его утеплить, но зато он новый, высокий и по местным меркам просторный.

На деле же условия просто спартанские. В спальне деревянные настилы в два яруса вдоль обеих стен, вроде и широкие, но с соседом спишь ближе, чем иные супруги. Очаг, две лавки с бессменными стражами – Торном и Хильдой. В зоне кухонный закуток, еще один очаг, столы и лавки. Очередные настилы – тут уже спят, меняясь, люди тэна Рейнара. И вроде как не пленники спасенные ребята, свободные люди по меркам этого мира, но в перемещениях ой как ограничены!

«Ради вашего блага», как говорит грен Лусар. Надо же язык хорошо выучить, обтереться, дело себе найти. С магией, опять же, разобраться – тем, у кого она есть. А пока – туда не ходи, сюда не смотри. А ночью так и вовсе нечего шастать.

С-спасители, блин!

– Привет!

Виктор обернулся, выныривая из своих мыслей. Линда. Теплая зелень глаз, пышная грива, в полутьме почти шоколадная, а на солнце – чистый огонь, тронутые загаром щеки без единой веснушки. Интересно, почему? При таком-то цвете волос...

– Привет. Как там Мия?

Она дернула плечом.

– Не знаю. Когда я уходила, она еще спала, и Марго сказала, что это нормально. – Линда фыркнула недоверчиво и произнесла другим тоном: – Так ведь и надо – спать до обеда, не шевелясь, будто...

...труп.

Девушка осеклась и замолчала. В разговорах они старательно избегали упоминаний смерти, ее на их долю и так выпало немало.

– С ней все будет хорошо, я верю в Марго.

– И я. Но... это же маг. Он мог сделать что угодно.

Витька нахмурился. Ну, положим, не что угодно, предел у этого человека все же есть. Но... Линда права в своей недоверии к грену Лусару. Маг темнит, хоть многие и предпочи-

тают этого не замечать. А еще...

За спиной раздался выкрик на джерре, грохот и лязг, и парень с девушкой обернулись к центру площади.

Для тренировок воины облюбовали бóльшую из двух деревенских площадей, прямо перед домом местного эрла. Тот, впрочем, не возражал. Да и попробуй тут возмутись, когда у тебя бойцов четыре с половиной, если считать старика Торстона, пусть и крепкого, но полностью седого, а пришлых более двух десятков будет. И это не считая магов и ведьму.

К тому же воины эти, все как один славные и умелые, готовы опытом своим делиться.

Вот и сейчас в поединке сошлись Ивар, что из людей тэна Рейнара, и местный, Одрик. Светловолосый деревенский удалец, молодой, но уже женатый, казался крепче и сильнее невысокого гибкого чужака, но Витька ни за что бы не поставил на местного. Лишь дурак мог ожидать, что обычный боец, вряд ли выдавший что-то серьезнее кабацких драк, победит бывалого гьяррара, истинного воина Севера.

И все же Одрик был хорош. Сдерживал натиск Ивара, который играючи менял направление удара, двигаясь легко и быстро. Сам Виктор бывал в паре с Иваром и представлял, на что тот способен, и потому на местного смотрел с уважением. Но иллюзий не питал.

Рядом прерывисто вздохнули, и Виктор покосился на Линду. Девушка не отрывала от бойцов взгляда. Плечи напряжены, глаза распахнуты, губы чуть приоткрыты. Облиз-

нула нижнюю и рассеянно улыбнулась Витьке, заметив его внимание.

– Нравятся? – вырвалось у него.

– Очень! – жарко выдохнула она.

– Ну, Ивар вроде свободен, – медленно проговорил он, наблюдая за реакцией. Зачем сказал – сам не понял.

Темноволосый гьяррарвар достал наконец местного воина. Бой прекратили, и теперь они хлопали друг друга по плечам в знак того, что зла не держат.

– Что? – переспросила девушка, переводя взгляд на парня.

– Я говорю, что Ивар не связан ни с кем брачными клятвами.

– Ха! Мне-то какое до этого дело?

– Ну...

– Ой, не начинай. Я уже говорила, что хочу к ним. И не смотреть, а участвовать.

– Думал, ты шутишь. Ты все время так смотришь на воинов...

– И как же?

В девушке, во всей ее позе, взгляде, интонации чувствовался вызов. Виктор помолчал, подбирая слова.

– С неприкрытым восхищением.

– Разве это плохо?

– Нет. Но не здесь. Могут не так понять.

– Избавь меня от лекции, мне Марго хватает.

Он усмехнулся.

– Так, значит, ты всерьез хочешь к нам, на тренировки?

Сам Виктор занимался уже дней десять. Зудело попроситься и раньше, но понимал, что к оружию так рано его никто не допустит. Он и сам бы невесть кого учить не взялся. Потому смотрел и ждал, стискивал зубы и кулаки, с джержрами общался и почаще мелькал на их тренировках. В конце концов сам тэн Рейнар протянул ему меч и кивнул на центр площади. Конечно, Витька был бит – не ему тягаться с мастером, когда за плечами лишь полтора года занятий историческим фехтованием и реконструкцией, – но заслужил одобрителный хлопок по плечу.

На следующий день пришли и остались Иван, его ровесник, знакомец еще по тому миру, и Олег, самый старший из ребят.

К нему, двадцатилетнему, маги присматривались и едва не принимались, и в голос твердили, что быть такого не может, чтобы столь взрослый и «бездарный» человек выжил при переходе. Везунчик этот Олег. Чего не скажешь о многих других. Тех, кто не смог.

Тимура, Дениса и Юру пригнал грен Лусар, велел заняться хоть чем-то полезным. Восторгов по этому поводу они не испытывали. Тимур, племянник Витьки, по возрасту больше подходящий на роль брата, так и норовил улизнуть к лучникам, а двое других – просто смыться. Но уроки боя, поначалу добровольные, быстро превратились в обязательные.

Правда, Даня и Никиту не трогали, сочли еще мелкими. А вот Павел и Макс, как взрослые, тоже были на тренировке. Единственной. Получили – один поперек спины, другой по руке и краем щита в зубы, от чего чудом их не потерял, – и больше не являлись.

Магов и их ценные тушки пока берегли. Виктору и остальным парням терять было нечего.

А Линда все эти дни ходила кругом, словно голодная дикая кошка. Вздрагивала, пожирала глазами, забывая про все дела. Он думал, облизывается на подтянутых полуголых бойцов, проявляя обычный женский интерес.

Ошибался.

Она хотела участвовать.

– Да, я очень хочу, – подтвердила девушка.

– А как же платья и прочие женские штучки? Привилегии там всякие...

Хотел поддразнить, но она ответила внезапно зло:

– Очень интересно, это какие?

– Дом, очаг, все дела... безопасность, знаешь ли.

– А, ну да, женское предназначение, конечно, – презрительно скривилась Линда. – Я в курсе, что в этом мире ты либо женщина – стирать-рожать-молчать, – либо мужчина. Воин, защитник. И знаешь, перспектива кого-то когда-то убить пугает меня не так сильно, как женская доля. Этот очаг твой и безопасность мнимая.

– Не хочу, чтобы тебе пришлось убивать.

– Не факт, что до этого дойдет. И вообще...

– Лин, не ври хотя бы себе! – перебил ее Виктор, и вышло жестче, чем хотел. – Если берешь в руки меч, будь готова рубить, колоть и резать. Убивать. И к тому, что убить могут и тебя.

– От этого никто не застрахован, особенно тут. Но думаешь, быть овцой на заклание лучше? Ждать, когда тебя защитят, и молиться, чтобы защитник не сдох.

– Не знаю. Никогда не был овцой.

Она скривила губы.

– И я не была. И становиться не собираюсь.

– Чего ты так боишься?

Линда скрестила руки под грудью, вздернула голову.

– Ты не девушка, тебе не понять.

– Поверь, тут есть кому тебя защитить.

– Вик, это... это совсем другое! Я не хочу надеяться и ждать, понимаешь? Я хочу сама определять свою жизнь. А для этого нужны деньги и сила... или магия, например. С даром мне, похоже, не свезло. Денег нет. Но есть то, что я могу сделать. Здесь. Сейчас.

– Лин...

– Скажешь про мужа, убью, – сурово предупредила она.

Он усмехнулся и поднял руки в примирительном жесте.

– Молчу.

– Ну-ну.

В душе Виктор понимал, что она права. «Не жди милости

сильных – становись сильнее сам» – очень верное рассуждение. Ему это нравилось, он и сам так думал, потому и стремился учиться у мастера – у Рейнара. Но от мысли, что Линда возьмет в руки меч и вступит в бой, рискуя схлопотать по лицу или быть заколотой, что-то внутри него переворачивалось и заставляло спорить, пытаясь задвинуть ее в безопасный уголок.

– А ты можешь меня поучить? – внезапно спросила она.

Смотрела открыто и прямо, ожидая ответа, но Витька замешкался, и она скривилась.

– Ясно. Забей, – бросила, отворачиваясь и, похоже, собираясь уйти.

– погоди.

Шагнув ближе, перехватил за руку.

– Я не против, Лин, но... почему тэна Рейнара не спросишь? Он очень хорош.

– Да видела я, – со вздохом отозвалась Линда. – Но я уже подходила, и он отправил меня к грену Лусару. А тот... велел не думать о глупостях, учить джерр... И вообще, я же девушка. Должна знать свое место.

В голосе ее звучали обида и боль, а еще плохо скрытая злость, словно хотела она не с Витькой сейчас беседовать, а высказать много хорошего магу.

– Это они зря. Ладно, завтра начнем. Будь готова.

Девушка одернула рубаху – она ни разу на памяти Виктора не надела платье, предпочитая штаны, – и широко улыб-

нулась.

– Я всегда готова.

Ждать нового дня не пришлось. Не успели они договорить, как сапог коснулась чужая тень и замерла, а воздух разрезал густой голос тэна Рейнара:

– Бери меч, Лин.

Девушка ахнула и уставилась на воина: шутит? издевается? Виктор схватил ее за руку и потащил к сараю, у стены которого стояли тренировочные мечи.

– Он это серьезно вообще? – прошептала девушка, в недоумении оглядываясь на джеррца.

– Тэн не из тех, кто шутит такими вещами. Кажется, тебе повезло.

«...или нет», – с тревогой подумал он позже, когда воин оттеснил Витьку в сторону, не позволяя встать с девушкой в пару. Мотивом было одно из двух: либо тэн хотел проучить наглую девицу, что так рьяно лезла куда не надо, либо жаждал посмотреть на нее в деле. И выбор противника позволял это понять.

Девушка вышла в центр, напряженная и прямая, глянула на тэна Рейнара с вызовом. Одрик, что почесывал уши бленный бок, спросил, не заблудилась ли она, кто-то хохотнул, но Линда лишь вздернула нос, молча ожидая решения гьяр-равара.

Ивар сообразил первым. Подхватил щит с мечом, шагнул вперед.

– Я готов, если что.

– Как к девицам – ты всегда готов, – пробасил Ирнхольд, похожий на лохматого медведя.

Витька стиснул зубы. Он будто кожей ощущал и злость Линды, и ее волнение, и вполне разумный страх.

– Сядь, – велел тэн Рейнар.

Ивар подмигнул девушке и вернулся на бревно, натертое до блеска. Он, как и остальные люди Рейнара, беспрекословно слушался тэна. А против Линды вышел Оден. Высокий, светловолосый, похожий на героя какого-нибудь северного средневекового эпоса. Что же, этот ни издеваться, ни щупать не станет. Значит, все-таки повезло.

– Бой!

Девушка застыла на месте, и Оден шагнул вперед. Пробный выпад, глухо бухнуло в щит – рыжая закрылась, отступила и замерла. Мужчина двинулся вокруг нее, Линда, напряженная, повернулась следом. Нападать она не спешила, он тоже не торопился, позволяя освоиться.

От грозного окрика девушка едва не подпрыгнула:

– Лин, дьярх тебя задери! Ты на солнышке греться пришла? Или сражайся, или надевай юбку и иди к девкам!

Линда вскинулась, пробормотала что-то, сердито зыряя на тэна Рейнара. Тот – широченные плечи, волосы в сложной косе, шрам на лбу, борода – остался невозмутим, лишь смотрел требовательно и строго. Оден серьезно кивнул, девушка нахмурила лоб и бросилась вперед. Закрылся, щит едва

дрогнул, когда на него пришелся удар, и еще один, и еще. Била она неслабо, но бестолково, и шансов хотя бы задеть его у нее не было. В настоящем бою ее порубили бы секунд за двадцать, максимум – тридцать.

Девушка прыгнула, толкая щитом в верхнюю часть щита противника, махнула мечом сверху вниз. Воин шагнул в сторону, пропуская ее мимо себя, протянул деревяшкой поперек спины. Не сильно, но чувствительно. Линда выгнулась, охнула и тут же развернулась к гьярравару. Шипя, втянула воздух сквозь зубы и вновь подняла щит.

Рейнар шагнул вперед.

– Хватит скакать, ты не на плясках, – рыкнул он на джерре.

Воины в соседней двойке заухмылялись, девушка глянула на них зло.

– Щит ниже держи, – велел тэн, – ты ж не видишь ничего. И плечи расслабь.

Он взял девушку за талию, разворачивая так, как считал нужным. Рядом с мужчиной, высоким даже для джеррца, Линда со своими «метр семьдесят три» казалась миниатюрной. Стройная и спортивная, она неплохо двигалась, явно занималась какими-то единоборствами, но меч со щитом ей мешали. Что делать с ними, она не знала.

«Хороша» – стучало в голове, и взгляд помимо воли блуждал по лицу, цепляясь за высокие скулы и миндалевидные глаза, трогал аккуратные губки, скользил по шее и пытался

нырнуть в вырез рубашки.

Витьке и заглядывать-то было не надо. Закрывать глаза – и вспомнить, какой увидел ее впервые в этом мире. Рыжая, длинноногая и злая. И совершенно голая, как и все те, кто остался жив.

Подростки задыхались от ужаса и смущения, слезы лились ручьями. Крики мешались со звоном оружия, воздух дрожал над холмом.

Они мало что понимали и могли, а как пришли в себя, все закончилось. Строптивых, что пытались бежать, укротили. Всем дали одежду и обувь и повели – мимо крови на камнях и мертвых людей с пустыми глазами.

В лес с запахом холодной весны.

– Бой!

И вновь – утоптанная до состояния камня земля, шаги, отскоки, выпады, рубящие удары, тычки щитом и попытки опрокинуть. Линда напоминала щенка, что скачет вокруг здорового волкодава, пытаясь укусить, а тот лениво отбредивается. Их пара была настолько неравна, что вызывала бы смех, не пылай девушка такой злостью и упорством.

Тычок щитом и обозначенный удар по шее. Рубящий в бок. Рука, онемевшая от удара, принятого на клинок. Раз за разом Линда оказывалась на земле, но поднималась вновь. Взлохмаченная и взмокшая, с дыханием быстрым и рваным. Смешки и разговоры, что гуляли между мужчинами, стихли, все следили за этой странной девушкой. Не единственной

боевой девицей в этих северных землях, но все же – странной. Чересчур злой и упорной для изнеженных детишек дру-гого мира.

– Вик, что тут... ох, Линда! – раздалось за плечом.

Витька обернулся.

Мия и Маргарита, прохладный север и жаркий юг. Первая маленькая, хрупкие ключицы, тонкая шейка, волосы свет-лые, легкие, будто пух. Вторая фигуристая, с высокой грудью и тяжелыми бедрами, с длинными черными косами.

Рита нахмурилась и шагнула было вперед, но Виктор пой-мал за руку.

– Это ее выбор. Не мешай.

– Он же ее убьет!

– Не убьет.

Рейнар выкрикнул что-то на джерре, Оден ринулся впе-ред, смёл девушку, и Линда, теряя щит, упала на спину. Пе-рекатилась, уперлась ладонями, готовая встать вновь, но во-ин ударил поперек спины, и она рухнула на землю.

Рита сверкнула глазами и выдрала ладонь из захвата.

– Нет, говоришь? Я не хочу смотреть, как ее калечат.

Витька стиснул зубы, глядя, как девушка медленно отжи-мается от земли, встает на колено, готовая подняться вновь.

– Хош! – хлопнул в ладоши тэн, заканчивая бой.

Оден сунул под мышку деревянный меч и протянул ла-донь девушке. Та ухватилась и с кряхтением поднялась. Во-ин хлопнул ее по плечу, Линда качнулась, морщась, но усто-

яла.

– Ты ничего не умеешь, – сказал тэн Рейнар, пристально глядя на девушку. – Любой из этих людей убьет тебя.

Воин говорил, причудливо мешая русский и джерр, не утруждая себя тем, чтобы быть полностью понятным. Но Линда понимала и стискивала зубы, заставляя себя не отвечать на нелестные слова.

– А еще ты упрямая. Сильная, – добавил тэн. – Оставайся. Я поговорю с Лусаром о тебе.

– Спасибо, – одними губами прошептала девушка и улыбнулась.

Витька подошел ближе, подобрал меч и щит.

– Ты как?

Рыжая усмехнулась, но тут же скривилась, хватаясь за бок.

– Избита, – мрачно выдохнула Рита вместо Линды. – Добилась своего, да? Вот скажи, оно того стоило?

– Да.

– Ненормальная. Идем, осмотрю тебя, вдруг что сломали.

– Марго, там лишь синяки. Мне не впервой.

Витька вскинул брови, девушка пояснила:

– Двоюродные братья-близнецы, всего на год старше. Мы росли вместе. И, конечно, дрались.

– Держу пари, ты была зачинщицей, – с усмешкой сказал Виктор.

– Эй, ты за кого меня принимаешь? Я была милашкой, а

эти злыдни меня обижали.

– Правда?

– Нет, – широко улыбнулась она. – Я их вечно дергала, они терпели, но потом психовали. И влетало им всегда больше. Потому что старшие, мальчики, да еще и вдвоем. И все же мы были бандой. Да, здорово было. Эх...

Она резко погрузтелась. Виктор понимающе улыбнулся:

– Скучаешь. Нет, это нормально – скучать и грустить.

– Больше всего я боюсь забыть.

Линда вздохнула и поджала губы. И тут же вздрогнула, когда Марго стиснула ее предплечье – как раз в том месте, куда пришелся один из ударов Одена.

– Больно вообще-то!

– Именно, – мрачно выдохнула Маргарита. – И я тебя все-таки осмотрю. Невзирая на твой... богатый опыт.

– Не советую спорить с врачом, – ухмыляясь, сказал Виктор.

Рыжая скривилась, но позволила Марго утащить ее за собой. Парень проводил их взглядом и лишь после обратил внимание, что Мия осталась с ним.

– Поговорим?

Девочка несмело кивнула.

...Уже позже он обдумывал рассказ Мии.

По всему выходило, что прошлой ночью маги провели ритуал. Какой точно, девочка не поняла, да и не хотела узнавать больше – грен Лусар пугал ее почти до заикания. Но

там была кровь и что-то такое мощное, что ее тошнило от магического эха.

И – Дэн с Юлей.

Их не было в комнате ночью, но утром они казались... почти нормальными. Парень, обычно болтливый до назойливости, был тих и задумчив – и при этом уверял, что проспал всю ночь. Юлю Виктор знал не очень хорошо, но был уверен: эта девочка-подросток, похожая на бельчонка, слишком тиха, чтобы уйти куда-то по своей воле.

И она, конечно, тоже якобы спала.

Витька не знал, поверили ли маги в их с Линдой ночное свидание и не связывают ли их с прогулкой Мии, но решил оставить все как есть. Он еще найдет ответы. Потом, когда утихнет шум. Когда отстанут от девочки. Когда надоест мыть кости им с рыжей.

Он умеет ждать и помнить.

С Мии Виктор взял обещание не лезть с расспросами и держаться подальше от магов – настолько, насколько это вообще возможно. Осталось убедить в этом Линду с Ритой.

Глава 3

Лера

Может, кто-то и мечтал о том, чтобы попасть в другой мир, но точно не Лера. Никогда, даже в шутку. Еще в школе на уроках истории она ужасалась тому, как люди жили в прошлые времена. Даже век девятнадцатый, по которому вздыхали романтичные барышни, ее не вдохновлял. Что уж говорить про Средневековье? Пот, кровь и боль. Грязь, весь мир, утопающий в грязи. Болезни. Войны. Всесильная Церковь. Короткая серая жизнь, особенно унылая у женщин.

Какой идиот станет об этом мечтать?

Ее полностью устраивал мир свой. Большие города, машины и самолеты, горячий душ и фен, телевизор и смартфон, салоны красоты и кафе. Медицина, в конце концов. Цивилизация.

– Ци-ви-ли-за-ци-я, – прошептала она, едва шевеля губа-

ми.

Усмехнулась невесело – до того горьким показался вкус этого слова. Кислый ужас первых дней давно оставил ее, ушли в прошлое ночи, после которых она просыпалась красноглазая и на мокрой соленой подушке. А горечь осталась, перекатываясь на языке мыслями о прошлом.

Чудес она тоже не жаждала, но они могли бы примирить с отсутствием благополучия и комфорта – а то и заменить их, но мир этот, условно магический, чудесами не баловал. До сих пор почти все, что она видела здесь, укладывалось в ее представления о Средневековье.

«Гадком Средневековье», – добавляла она мысленно и поджимала губы.

Все, кроме магов. Но и те больше кормили сказками, чем показывали фокусы. Лишь грен Иртен порой баловался с огнем – красиво, но непрактично.

А еще нагрузили работой. Не слишком сложной – готовка, стирка, уборка, – но в этих условиях тяжелой. И самое противное, что конца-края этому пока не было видно.

Дежурства по кухне Лера возненавидела с первого дня. Нет, она, как уважающая себя девушка, могла приготовить поесть, и выходило вкусно, но варить каши и супы на толпу вечно голодных ребят – та еще работенка. К тому же на открытом огне: ничего похожего на плиту в их доме ставить не собирались.

И вновь ее очередь, и в команде еще двое: «почемучка»

Лизавета и царица кухни Марго. Первая, в отличие от старшенькой сестры-тихони Марины, задает сто вопросов в минуту, а вторая командует столь естественно, словно рождена для этого.

– Ри-ит, ну почему этим занимаемся мы? – заныла Лиза, рукавом вытирая «луковые» слезы. – Неужели Хильда не может выдать нам парочку этих... как их там... тир! Так же этих рабынь называют, да?

Лера наклонила голову, ожидая ответа. Ей и самой было интересно, почему на них взвалили все тяжести быта, хотя полно было способов облегчить жизнь.

– Значит, не может, – спокойно отозвалась Маргарита. – Или это часть адаптации, чтобы мы чуть-чуть походили на местных.

– Угу. И пахли так же, – хмуро ответила девочка и отодвинула от себя шелуху. – Нет, ну правда, зачем нам это все? Гренны мы или кто? Магам же здесь почет, уважение и толпы слуг.

Или торийское клеймо и надзор. Лера подумала это, но промолчала.

– Гренна, ха! Ты так уверена в своих силах? Магом далеко не каждый становится, а уж те, которым толпы слуг полагаются, и вовсе редкость. Бездарных девчонок с дурным характером в разы больше.

– У меня есть дар! – вскрикнула Лиза. – Так грен Лусар говорит.

– Возможно. Только от чистки лука тебя это не избавит. Так что хватит болтать, за работу.

Лиза, открыв было рот, вновь его закрыла. Нахмурилась, но за нож взялась. Лера скривила губы. Девчонка хоть и нытошная, но не дура. Во всяком случае, Ритке возражать особо не рискует. С ней никто всерьез не связывается, даже цербер Хильда относится с уважением.

Маргарите двадцать четыре, довольно высокая, полноватая, особенно в бедрах, слишком широких и тяжелых. Но волосы просто нечто! Длиннющие, почти до колен, густые, блестящие. Черные брови, скулы высокие, тонкий нос с горбинкой и большие глаза. Сбросить бы килограммов двадцать, и будет красоткой. Но попробуй ей такое скажи – уничтожит. В ней много дикой кавказской крови, и нрав крутой. А еще она врач с дипломом, здесь никому не нужным, и ведьма. Потомственная. И, судя по всему, далеко не самая слабая.

Маргарита застучала ножом, нарезая лук, и Лера глянула на нее с неприязнью. Косы за поясом, рукава закатаны. Работает быстро, ловко и готовит, зараза, просто божественно. И вид при этом такой, словно ни капельки не устает. Рядом с ней кажешься той еще ленивицей, и это так себе ощущение.

Рита словно почуяла взгляд, обернулась. Нахмурила брови и ткнула ножом в сторону мешочка с крупой.

– Все еще не промыла?

– Вода кончилась, – огрызнулась Лера. – Я ушла.

Она подхватила ведро и шагнула за порог. Пусть Риточка

подождет, а она пока прогуляется.

Расправила плечи, вздернула подбородок. Ответила на приветствие одного из людей местного эрла, одарила скромной улыбкой другого. Добрая, но гордая – такую маску носила уже не первый день. На нее засматривались, ей это льстило. Она словно кожей ощущала взгляды, впитывала восхищение, заряжаясь им. Она знала, что хороша. Да, немножечко неумыта и растрепана, не накрашена, да и коже не помешали бы несколько масок, но все это не слишком ее портит. Высокий рост, длинные светлые волосы и голубые глаза здесь в почете. Как и нежный овал лица, аккуратный носик и пухлые губы. Она выглядит как северянка, «самая прекрасная из всех, когда-либо виденных», по версии грена Иртена. Много ли видел этот маг-зажигалка? Как знать. Но внимание льстит.

Она споткнулась о брошенную корзину, пробежала вперед, пытаясь удержать равновесие. Ведро стукнуло по ноге, Лера зашипела от боли. Маска, столь тщательно сохраняемая, слетела с лица, оставив усталость и злость. Лера покладисто вернула ее на место. Она милая добрая девушка. И гордая, конечно, чтобы не лезли все подряд, пользуясь ее добротой.

Как же бесила ее эта глухомань, в которой даже взглянуть не на кого. Пока остальные девчонки страдали, на что-то надеялись и строили планы, один другого нелепее, она трезво смотрела на жизнь. Привычно оценивала мужское насе-

ление, по сортам разделяла... И вздыхала грустно.

Ловить здесь было нечего.

Своих мальчишек как парней она не воспринимала: положение шаткое, да и не нравились ей ровесники никогда. Местный эрл стар и женат. Вояки радовали взгляд, особенно такие симпатичные, как Ивар и Оден, но и только. Она не видела свою жизнь связанной с военным, которого дома не бывает. Да и сам дом этот – та еще халупа – ее бы не устроил. Тэны, Снур и Рейнар, как люди знатные, вызывали больше интереса, но первый откровенно пугал, а второй смотрел так, словно видел ее насквозь. Все ее маски и роли, все попытки вести себя правильно разбивались о его усмешки и пронизательный взгляд. И Лера, смущаясь и злясь одновременно, пообещала себе к этому тэну больше не подходить.

Первым сортом шли маги, но и тут были нюансы. Грен Иртен сыпал комплиментами и поглядывал с интересом не только на нее, но и на всех девчонок старше пятнадцати. И Лера с неудовольствием понимала, что предпочтение отдастся не ей, а тем, кто моложе. А ведь ей всего двадцать!

Грен Лусар... да, он хорош. Взрослый властный мужчина, красивый даже по меркам ее мира. Явно состоятельный – уж она-то умела видеть дорогие детали. Но... Лера ловила его холодный взгляд и понимала: этот возьмет все, что захочет, перешагнет и пойдет дальше, ведомый одному ему известной цели. И она благоразумно не совалась.

Она жаждала кого-то солидного и серьезного, с весом в

обществе и толстым кошельком. За таких мужчин всегда идет борьба, но Лера готова – и к борьбе этой, и к победе.

Пусть маги учат: языку и обычаям, и даже магии своей, невнятной и с виду почти бесполезной. Пусть. Она будет учиться и станет лучшей. Когда-нибудь они выберутся отсюда, и она найдет достойных ценителей всего, чем одарила ее природа и чего достигла она сама.

«Время никого не щадит, торопись», – говорила мама. И пусть времени у нее полно, но...

При воспоминании о матери посыпалась вся стройная система. Лера споткнулась вновь, ухватилась за угол дома. Прижалась лбом, остро чувствуя тепло дерева и его шершавую занозистость, душистый запах стоялой воды и мха, оттолкнулась резко и пошла вперед, смаргивая дрожащий туман слез.

«Эх, мама... Хорошо, что ты со мной не пошла. Иначе играть свои роли и не рыдать в подушку было бы гораздо сложнее».

Линда

Днем солнце прогревает совсем по-летнему. Откинься на спину, закрой глаза – и покажется, что ты дома. Что ныне июнь и вся большая семья на даче – редкие, но счастливые дни. Слышен стук молотков с мансарды, это папа с племянником Глебом перестраивают ее для подростковой детворы. Кузены Димка и Дёмка, совсем несерьезные, даром что на год старше Линды, бесятся и катают по дорожкам Ирэнку, рыжую, как и сестра. Мелкая хохочет, а мама кричит с крыльца, чтобы не затоптали ее любимые розы и сами не угробились. А ты лежишь и таеешь, таеешь на солнышке, и под спиной у тебя теплая плита с дыркой посередине – бетонная «крышка» колодца. И ты лежишь на самом краю, и снизу тянет холодом, а внутри тебя что-то ворочается и рвется, потому что в руке – пронзительно-грустное о войне от Ремарка, и самой непонятно, как эта книга попалась тебе в такой день. Где-то там, на бумажных страницах, идут бои, гибнут люди, рушатся судьбы, а здесь – начало лета, солнце, любовь. И кажется, так будет вечно и смерть – всегда где-то там...

– Лин... Ли-ин!

Прикосновение вырвало из дремы. Линда села рывком, поморщилась: в уши ворвался рычащий говор на чужом языке, звон клинков и грохот щитов, меканье коз, глаза резануло

ярким светом. Сморгнула набежавшие слезы и наконец-то рассмотрела того, кто рискнул потревожить.

Мия.

– Маргарита сказала, ты меня заплетешь.

Вот так. «Маргарита сказала». Линда усмехнулась, не в силах сердиться ни на подругу, ни на эту ясноглазую девочку. Когда Мия рядом, уходит куда-то сосущая боль под сердцем и легче становится на душе.

– Раз сказала, садись.

Девочка примостилась впереди, бочком, а не как она, оседлав бревно. Линда принялась разбирать пряжи, стараясь действовать осторожно: тонкие волосы пушились и легко путались, а взгляд зацепился и то и дело возвращался к тренировочной площадке.

Мужчины по случаю хорошей погоды поскидывали рубахи, оставшись в штанах и *тойте* – охотничьей обуви, сапогах на шнуровке. Пришлые воины выгодно отличались от местных, крепких, но невысоких, как отличается породистый пес от дворняги. Рослые и фактурные, с волосами уже не русыми, а цветом ближе к выбеленной соломе и льну и глазами голубыми, словно лед. Один Ивар, невысокий и гибкий, щеголял каштановой шевелюрой.

Лириат – Линда вспомнила его народность. Из тех, что живут в Льяре или Лиоссе, южнее Энейских болот.

Мужчины зубоскалили, красовались и затевали шуточные потасовки. Тэн Рейнар ушел к старшему магу, тэн Снур с ча-

стью своих людей – на охоту, и народ отдыхал без начальства.

Иван рассказывал что-то подросткам, Дэну с Тимуром, и его ладони, привычные к труду, оглаживали древко копья, намечая точки и показывая правильный хват. Парень любил дерево и умел с ним работать, в том мире у него была своя мастерская. Среднего роста, крепко сбитый, но с жирком на боках, он сбросил вес за эти дни, и в теле наметились перемены. Линда ухмыльнулась, отметив про себя, что тэн Рейнар из кого угодно выплавит воина. Особенно из того, кто хочет учиться.

Юрка играл мускулами, красуясь перед Сонечкой и Алиной, и, признаться, там было на что взглянуть. Любитель тренажерных залов смотрелся очень хорошо, разве что ростом недотягивал. Но если продолжит Юра хорошо есть и много тренироваться, быть ему через пару лет настоящим здоровяком.

А вот мужчина рядом с ним уже здоровяк. Примерно того же роста, далеко не такой рельефный, но более мощный. Бритый затылок, бычья шея в складках, широкая спина, смуглая кожа. Линда знала, что, если он обернется, она увидит скуластое лицо, узкие глаза, тонкие губы. Много сильной татарской крови с четвертинкой крови русской. Его и называли почему-то по-русски – Олег.

– Ай!

Линда ослабила хватку.

– Извини, – прошептала она, с трудом разлепив губы.

Оказалось, сжала их яростно, позабыв даже дышать. Олег. Одно имя, один взгляд в самодовольное, вечно лоснящееся лицо – и вся выдержка летит к черту, а грудь заполняет кипучая злость.

– Лин?

– Все хорошо, Мия. Все будет хорошо.

Кого убедить пыталась – себя или ее? Девочка качнула головой, и Линда велела сидеть ровно, а сама, вздохнув поглубже, пообещала себе на парней не смотреть.

Не удержалась, конечно.

Скользнула взглядом по высокому, с идеальной выправкой, парню и замерла, думая, как он хорош. Юрка, более коренастый, кажется шире в плечах, но тут мышцы подсушены и выглядят даже рельефнее. А еще у него черные волосы, когда-то коротко стриженные, но уже отросшие, и у неправильно-синих глаз темная кайма. Прямой нос, острые скулы и губы, которые хочется потрогать.

Он настолько в ее вкусе, что даже страшно.

Виктор перехватил взгляд, улыбнулся. Сердце, глупое, трепыхнулось, губы дрогнули, и она поспешно опустила ресницы. Под пальцами на макушке Мии рождался неуверенный «колосок». Когда глянула вновь, Витька уже отвернулся, и она могла спокойно разглядывать его затылок, плечи, блестящую от пота спину, верхний край штанов...

Когда поняла, что откровенно пялится на его задницу, вновь отвела взгляд. Мия поерзала на бревне, запрокинула

голову, улыбаясь широко и открыто. В ясных голубых глазах искрились смешинки.

– Он тебе нравится, да?

– Кто?

– Ты знаешь.

Линда не выдержала и улыбнулась в ответ.

– Чуть-чуть.

– Или чуточку больше, чем чуть-чуть?

– Или чуточку больше, чем чуть-чуть, – покладисто согласилась она. – Но это ничего не меняет. У нас слишком разные мнения по многим вопросам.

Она все еще злилась после недавнего разговора с Витькой, вспоминая, как настойчив и резок он был, убеждая ее и Риту держаться в стороне от магов, ночных ритуалов и разговоров с Дэном и Юлей. «Я сам», – говорил он и был так убедителен, что его поддержали Марго с Мией, а Линда... позволила себя уговорить.

– Он просто заботливый.

– Я взрослая девочка, сама могу о себе позаботиться. И сядь уже ровно, а то я никогда тебя не заплету!

Мия села, но через пять секунд уже развернулась в пол-оборота, заговорив быстро и страстно, что с ней случалось редко:

– Он очень хороший, правда! Ты не смотри, что строгий, внутри он очень добрый. И красивый, и настоящий. И с ним ты забудешь...

«...Андрея», – не договорила она, прижимая пальцы к губам.

Сердце Линды дрогнуло, будто иголкой кольнули, в груди что-то оборвалось. Коса, почти доплетенная, выскользнула из рук. Девочка вскочила на ноги, прерывисто вздохнула, и показалось на миг, что замкнется в себе, как с ней часто бывало. Но Мия качнулась вперед и порывисто обняла, ткнувшись носом в ключицу девушки. Шепот ее долетел как сквозь вату:

– Прости... Линда, Линдочка, прости меня, я случайно. Я не хотела тебя расстроить...

– Я не расстроена.

– Врешь.

– Вру.

В груди скрутились в комок вина и боль, сожаление и злость и ударили, словно впервые. Словно и не было этого месяца, полного тягот и нервного напряжения, настояек Хильды и гипносеансов грена Лусара. Словно это было вчера.

Андрей умер у нее на руках. Уже здесь, в этом мире. Пройдя сквозь песчаное безумие перехода, с расширенными от ужаса глазами, он цеплялся за ее пальцы и силился то ли сказать что-то, то ли хотя бы вдохнуть. А потом умер. Сердце не выдержало, как сказали маги.

Ему было двадцать три. Не предел для перехода. «Не юн и не стар», как сказали грены, и он мог выжить... Он должен

был выжить! Вся жизнь была впереди...

Но он умер.

И все из-за нее.

Из-за ее слабости и малодушия, боязни обидеть и потерять человека, ставшего почти родным.

– Не надо, – резко сказала Линда, чувствуя, как разжимается когтистая лапа тоски и сожаления и на смену им приходит некоторое оупение.

Мия смущенно отодвинулась, пряча взгляд, комкая нервными пальцами юбку.

– Прости, – шепнула она.

– Нет, это ты прости, – перебила Линда. – Я очень ценю тебя и твой дар, но... я не хочу забывать. Я очень боюсь забыть.

– Ты мучишь себя, – тихо сказала Мия. – Но ты не виновата.

Линда, грустно улыбаясь, покачала головой.

Она не была виновата в том, что попала сюда. Гребаные торийские маги выдернули ребят в этот мир, не спросив согласия ни у них, ни у той кучи народа, которую попутно убили. Но в том, что Андрей был рядом с ней, лишь ее вина.

И она не имела права так легко его забывать, увлекаясь другими парнями.

– Лера, ты скоро? Там Рита на кухне бушует.

Линда повернула голову и встретилась взглядом с Лерой. Та смотрела холодно, чуть отстраненно. Долго она тут стоя-

ла? И что слышала?

Девятилетний Данилка, светловолосый и пушистый, как одуванчик, не спешил отходить от Леры. Видно, Марго отправила с наказом без прогульщицы не возвращаться. Лера прошествовала к колодцу, набрала воды и отправилась к дому. Проходя мимо Линды с Мией, скользнула взглядом и усмехнулась.

Слышала. Все слышала.

Ну и хрен с ней.

Не то чтобы они с Лерой не ладили, но от мысли, что эта холодная красотка застала личный разговор, становилось не по себе.

– Ладно. Садись, солнце. Я тебя заново заплету, на этот раз хорошо.

Глава 4

Соня

– Эту.

Боль, холод и стыд. Тянет спрятаться, ящеркой юркнуть под камень и притаиться. Переждать.

Соня опускается обратно на землю, сгибаясь в несколько раз, прикрывает волосами лицо, а ладонями – грудь. За локоть вздергивают на ноги, больно сжав нежную кожу. Она едва не в кровь кусает губу, лишь бы не закричать. Сильные пальцы хватают за подбородок, и она сразу отводит взгляд. Не смотреть в глаза, не смотреть! Камни, мох, искореженная сосна...

– Ты обещал мне деву.

– После.

– Но...

– После!

Тот, что схватил, стискивает руку сильнее, и она не может сдерживать крика.

– Оставь ее.

Голос того, второго, спокойный и властный – ни капли сомнения, что его будут слушать.

– Хорошая, – говорит мужчина, ладонь касается ее щеки, и Соня вздрагивает, чувствуя, как пальцы ползут все ниже и ниже. – Мы с тобой еще пообщаемся... ближе.

Выдохнуть получается, лишь когда он отходит, а на плечи ложится что-то колючее и такое большое, что можно завернуться.

Боль.

Тело затекло в неудобной позе, Соня перевернулась на спину и потянулась, чувствуя, как покалывает правую руку и ногу. Тут же скривилась и села, почесываясь: сухие травинки кололи нещадно. Огляделась. Полутемный сарай, пук сена в качестве ложа, декорации – загородки для скота. Благо пустые, она бы не вынесла, если б кто-то блял или подхрюкивал по соседству.

И как вообще умудрилась уснуть – здесь?! Дома бы кинулась менять постельное белье, лишь увидев пятнышко, учувяв тень неприятного запаха. А тут... «София в стоге сена». Рассказать девчонкам – засмеют. Если поверят вообще. Она скривила губы, улыбаясь своим мыслям. И тут, окончательно просыпаясь, девушка поняла, что ничего никому не расскажет.

Некому говорить.

Девчонки остались там, за столиком кафе. Кажется, только что были все вместе, хохотали как ненормальные, пили кофе, думали, как познакомиться с парнями вон за тем столиком. И вот уже месяц прошел, как она здесь. Как девочек нет.

И парни те тоже сюда не добрались.

Ладонь, ползущая по ноге вверх, задирает подол и больно хватает за бедро. Соня хочет дернуть, скинуть руку, закричать, но ее будто придавило невидимым грузом. Сердце колотится, вопль застывает в горле, но глаза закрыты и тело недвижимо. А рука все выше ползет...

Она поежилась, вспоминая обрывки сна. Сна ли? Или это воспоминание, надежно скрытое в собственной памяти? Говорят, такое при сильном стрессе бывает.

Девушка затрясла головой.

– Нет-нет-нет, этого не было, – зашевелила она губами, шепча едва слышно, будто голосом боясь саму себя напугать. – Я бы запомнила. Это все сон, просто сон.

Она поднялась на ноги, пошатнулась. Интересно, долго ли спала? И как вообще сюда попала? Вспомнилось, что спряталась тут от Риты в надежде, что та забудет про уборку или хотя бы про ее, Сонину, роль во всем этом. Покрутилась, пытаясь в полутьме оценить степень помятости наряда, скривилась. Будто на сеновале валялась.

Ага, именно так.

Руки прошлись по юбке, пытаюсь привести в порядок, но сухие травинки крепко держались за шерстяную ткань. Щека зачесалась, и девушка, подняв к ней руку, выудила из волос, кудрявых и темных, еще мусор. И как в таком виде на людях показаться? Она шагнула к двери, рассудив, что при свете разберется быстрее, и замерла.

Мужчины, двое, совсем близко.

– ...не работает, только способности к дьярху блокирует!

Я проверил, она...

– Ты не прав. Все ровно так, как было описано: или преданность, или магия. Увы.

Обладатель первого голоса, раздраженного, нервного, замолк. Соне показалось даже, что мужчины ушли, когда раздалось тихое:

– Тогда зачем? Если ты все и так знал.

– Я не мог не проверить. Вдруг они слишком другие. Иные. Слишком соблазнительная возможность.

– У нас мог быть еще один маг.

– Брось, у нее еле заметный дар. Это допустимая жертва. Допустимая жертва? Они о чем вообще?

Голос был холоден и странно знаком. И тут озарением пришло узнавание.

Соня застыла, ведь там, за тонкой дверью, которая светилась щелями, разговаривали два грена – Лусар и Иртен, – и она не могла решить: то ли шагнуть ближе, подслушивая, то ли убраться подальше, пока не нашли. Сердце прыгнуло к

горлу, заколотилось, но азарт взял свое.

Все равно прятаться негде.

Она шагнула вперед, намереваясь приложиться к хлипкой преграде ухом, но налегла слишком сильно, и дверь распахнулась. Нога запнулась о порожек, и девушка, вне себя от ужаса, вывалилась из сарая. Чьи-то руки, худые, но внезапно сильные, подхватили, сгребли. Надежно, не сразу и вырвешься.

– Сона?

– Я...

Она уставилась на мужчину, в чьих объятиях оказалась, и замолкла.

В серо-зеленом взгляде грена Иртена было что-то такое... знакомое, но непонятное, и от этого бросало в дрожь.

– И давно ты здесь? – холодно спросил старший маг.

– Я... нет. Не знаю, – ответила, переводя на него взгляд.

Таэллиец вздохнул и нахмурился, и она затараторила:

– Я уснула здесь, совершенно случайно, а теперь проснулась и уже уходила. А тут вы...

– Что слышала?

– Ничего, – сказала она, ресницы ее дрогнули и опустились. – Я пойду?

Попыталась выпутаться из объятий, маг поставил ее ровно, но руки с плеч не убрал. Мужчины переглянулись, грена Иртен кивнул.

– С собой, – сказал он. Выудил из сумки на поясе бутылек

и протянул ей. – Пей.

– Что это?

– Ничего, что могло бы тебе повредить.

Пить не хотелось, и взгляд метнулся мимо мужчин в поисках хоть кого-то, кто мог бы помочь.

Как назло – никого.

«Витьку бы сюда, он за всех заступается», – думалось ей, когда в рот полилась сладкая до приторности жидкость.

А потом ее впахнули в сарай, и остались лишь глаза грена Лусара, темные, словно омут, холодные пальцы на подбородке и голос, что повелел рассказать все слово в слово. И Соня поняла, что говорит. Губы и язык шевелились, словно без ее участия, это было так странно и так... естественно.

Наконец старший маг отпустил ее и сказал:

– Хорошо. А теперь спи и забудь все, что здесь было.

Холодная ладонь коснулась лба и легонько толкнула, и девушка завалилась назад, прямо в распахнутые объятия второго мага. Над ухом раздался смешок, волосы у виска пошевелило тихое «Со-о-она».

Испугаться она не успела – уснула.

Макс

«Я понимаю тебя», – первое, что сказала Юля, когда Макс разоткровенничался с ней – внезапно для себя самого.

В тот раз у него сдали нервы. Днем была тренировка с людьми тэна Рейнара, и таким слабым, толстым и беспомощным парень себя давно не ощущал. Он был словно пародия на этих мужчин, сильных и уверенных в себе хищников. Аж самому противно. И эти смешки от парней, презрительные взгляды девчонок... Конечно, ему было не привыкать, но все равно обидно.

Мир новый, а у него все по-старому.

Кажется, объектом насмешек он был всегда. Несимпатичный внешне – ну кому нравятся жидкие русые волосы и водянистые глаза? – он имел лишний вес, причем немалый. Слабое сердце закрыло доступ к спорту, а природная стеснительность мешала сходиться с людьми. Нет, ему бы простили и вес, и неловкость, и многое другое, будь он уверен в себе. Или будь умником – с ними приходилось считаться, списать многим охота. Но Макс умником не был, так, крепкий середнячок.

Ему неплохо давались гуманитарные науки – и давались бы еще лучше, умей он с обществом контактировать, – и поступил он в хороший универ. Как этому радовались мама с бабушкой...

Да. Бабушка и мама. А еще тетя Таня.

Кажется, он рассказывал тогда Юле про них. Вместо дня сегодняшнего – слишком болело – говорил о прошлом. О семье, этом женском царстве, хозяйственном, заботливом – порой до тошноты. Они обожали его и хвалили, и, положив руку на сердце, порядком забаловали. И закармлили. Не раз он думал, что лучше было уехать учиться в Питер, как и планировал, настоять на своем, вырваться из-под опеки, но... приходил домой, расслаблялся и чувствовал, как решимость утекает из него, а любовь и ласка заботливых женщин опутывает не хуже паутины.

Он говорил, не в силах остановиться, а внутри трепетал страх, почти физически ощутимый, что сейчас она усмехнется и скажет что-то язвительное, а потом растреплет все девчонкам. И станет еще хуже. И зачем только начал?

А она сказала, что понимает его. Эта девочка, милая, на бельчонка похожая. Такая солнечная, что тянуло довериться.

– Это пройдет, – говорила она. – Ты научишься их прощать. И себя тоже. И перестанешь винить за все, что с тобой было. Я научилась, и ты сможешь.

Макс хотел возразить, что никого ни в чем не винит, но промолчал. Да, вслух не говорил, но про себя часто думал о том, как изменилась бы жизнь, опекать они его меньше. Лишний вес, робость да даже проблемы с сердцем – последствия перенесенной до года пневмонии – все было «не его виной»

и делало связь с семьей какой-то болезненной.

– Спасибо, – невпопад буркнул он, а она улыбнулась.

С того дня и завязалось их общение.

Юля умела слушать, и Макс этим не раз пользовался. Вместе они пытались восстановить картину первых дней в этом мире. Вернее, пытался он, а она безразлично пожимала плечами, отвечая, что почти ничего не помнит.

– Да и неважно это, – говорила она.

В голове путались даты и лица, события плавали, будто в тумане, менялись местами, и сказать, что было сном, а что случилось в реальности, он с уверенностью не мог. Бился, соединял обрывочные картинки в цепочку, решал, что вот она, правда, но через миг уже начинал сомневаться – а правда ли? А потом и вовсе согласился с Юлей: да, неважно.

Все они плохо помнили первые дни и забывали прошлую жизнь, младшие – быстрее, старших это больше тревожило. Грен Лусар твердил, что это нормально, особенность психики, грен Иртен ему поддакивал, ссылаясь на старые фолианты.

Они были не первыми, кто пришел в этот мир из другого. Сейчас это казалось сказками даже местным, но до Последней войны магов иномиряне хоть и были редкостью, но иногда появлялись. С помощью порталов, стационарных или временных, или ритуалов призыва, которые буквально выдирали человека из его мира и впихивали в этот. Но после войны случился массовый прорыв иных тварей, и с тех пор

ко всем *иным* относились с подозрением.

Ритуалы призыва и схемы строения порталов были утеряны, но... видимо, не все. Как-то же смогли торийские маги выдернуть их сюда. Сделать то, что считалось невозможным из-за измененной магической среды и слабости нынешних магов, ведь старые заклинания были рассчитаны на других одаренных. Более способных и сильных.

То, что сделали торийцы, казалось чудом. И еще одним чудом было то, что многие ребята выжили при переходе, особенно те, кто дара не имел. Важным условием, залогом выживаемости была сила – тела, духа, резерва. Слишком юные или зрелые, больные, слабые – все остались там, в пыльном мареве перехода. Сколько их было, не сказал бы никто.

Много.

Больше, чем тех, кто прошел.

А они – сильные. Им здесь жить.

Маги твердили это раз за разом, каждому по отдельности и собирая их в группы. Порой это походило на массовый гипноз. Взгляд грена Лусара, его бархатный голос пленяли и заставляли смотреть и слушать, и верить в него, словно в местного бога. Но мысль о промывке мозгов не пугала. Макс, честно, было плевать. Как и Юле.

В мага хотелось верить.

Он спас их от рук торийцев. О том, что было бы, если б не спас, даже думать не хотелось – слишком страшны были истории о магах, лишенных доступа к силе, с даром, запеча-

танным клеймом Тория.

Он одел их и обул, приютил, начал учить. Наобещал... всякое обещал. Особенно тем, у кого есть способности. Таких оказалось немало, и Макс в их числе. Сила бурлила в нем, она была во всем вокруг, золотистыми росчерками опутывая мир, где-то гуще, где-то едва. И то, что здесь называли даром, позволяло силой этой управлять. Как – он не знал, но знал, что научится.

Не имеет права не научиться.

Едва ли не впервые в жизни перед парнем открылись столь интересные перспективы. Уважение и почет, деньги и земли. Власть. Да, магов не все любили – зато ценили, ненавидели и боялись. И презирать их никто не смел. И Макса это устраивало.

А еще мир этот их исцелил. Кому-то, как Олегу, не хватало малости – здорового желудка, другим, вроде Павла, досталось нечто более ценное: хорошее зрение. Что случилось там, во время перехода, в этих песке и пыли, никто толком не понимал, даже сами маги, но это «что-то» изменило их, сделав тела чуточку более... совершенными. Такими, какими они должны быть.

И сердце Макса уже не беспокоило. Он понял это по удивительной легкости, которую не испытывал, кажется, никогда. И страх перетрудиться, чересчур утомить слабое тело подержался недельку, да и пропал. Как не бывало его, страха этого.

Кому как, а Максу обратно не хотелось. И не только ему.

Пути назад нет. Вам здесь жить

И они старательно обживались.

Обитать в общей комнате поначалу было весьма неуютно. Десять парней от восьми до двадцати шести лет – та еще компания, да в отсутствие горячего душа... Но привык, куда деваться. А еще взгляд в спальне то и дело возвращался к занавесям у постелей девчонок, но и тут Макс усмирил себя.

Порой, особенно по утрам, в постели, казалось, что все это сон, какие-то глупые декорации... Но мелочи, которые незачем, да и некому придумывать, убеждали в обратном. Амулеты с непривычными рунами и статуэтка Сокьяры, покровительницы здешних земель, у дома эрла. То, как рассказывал на другом языке тэн Рейнар имя Виктора, и сам язык этот, джерр, не похожий ни на что и в то же время удивительно понятный. Простая утварь, резные кубки, грязь под ногтями, грубые шрамы, баня по-черному, песни и ритуалы, ножи на поясе, покорность во взглядах тир и матери, рисующие детям на лбу невидимые знаки – разделенный круг, меч, трезубец...

Этот мир, странный, резкий и грубый, был удивительно живым и настоящим.

А еще Макс сдружился с Юлей, и одно это привязывало его к миру цепями.

– Расскажешь, что случилось? – спросил девочку Макс.

Она отмывала котел после ужина, а он, принеся воды, не

спешил уходить.

– А что случилось? – отозвалась, улыбаясь.

Она стала много улыбаться. Хорошо, конечно, ей это к лицу, светится прямо, но – странно.

– Помнишь ночь, когда Виктора с Линдой Хильда поймала?

Юля кивнула, щеки ее полыхнули краской. Что там подумалось ей, Макс не знал, но про этих двоих – Лин и Вика – поговаривали, что они стали встречаться. Впрочем, парень в отношении их не вникал, своих забот хватало. Грен Лусар нагружал сильно, и Макса все меньше интересовали «не маги». Ребят как-то естественно разделили на две группы: «во-як» и «одаренных», и все больше занятий проводилось раздельно.

А Юля оказалась не у дел.

На занятиях магией ее не хватало. Максиму так хотелось, чтобы весь восторг от соприкосновения с силой был доступен и ей. Увы. Если поначалу она тоже училась, то дней семь назад ее признали бездарной и велели не тратить время. С тех пор девушка была очень странной.

– Где ты была тогда? Что делала?

Она пожала плечами.

– Как – где? В комнате. Спала, наверное. А что?

– Ничего, – буркнул Макс, – точно спала?

Девочка вздернула светло-рыжие брови, спросила, усмехаясь:

– А что мне еще ночью делать?

– Ну да, – ответил парень, самому себе напоминая Тимура с его паранойей и вечно плохим настроением. – Да. А что грен Лусар говорит? Ну, по поводу будущего твоего.

Юля вновь беспечно пожалала плечами и улыбнулась.

– Магом мне не быть, – сказала она так, словно ни капельки об этом не сожалела. – И я не Линда.

Макс взглянул на девочку и подумал, что она определенно не Линда. Вот ну ни разу. Из сходства лишь «масть» – обе рыженькие, но одна золотистая, а другая темная – и отсутствие дара. А в остальном... Единственная девушка среди «вояк» похожа на хищную кошку, а Юля – пушистый котенок. Потискать и умилиться. Иногда казалось, что будь у него сестра, она была бы такой: тихой, хорошей, все понимающей.

– Стану помощницей грена Лусара, – произнесла она. – Или кем-то еще.

Макс машинально повторил конец фразы и задумался, одному ли ему она кажется двусмысленной.

Магия открывала интересные перспективы для всех независимо от пола. А вот у девушек с кучей «без» – бездарных, безродных, безденежных – выбор был невелик. И стать помощницей какого-нибудь грена или грены было невероятной удачей. Только те абы кого к себе не брали.

– Все будет хорошо. Грен Лусар поможет, я знаю.

Макс кивнул Юле. Он тоже знал. И не позволял сомнени-

ям отвратить его от этого знания.

Глава 5

Маргарита

Она задержала дыхание, борясь с раздражением, что поднималось в груди. Ведро с водой посреди комнаты, веники валяются в куче сора, в одном углу паутина как висела, так и висит, а Юля с Алиной, словно старые кумушки, заболтались в сторонке.

– Девушки, вы ничего не забыли?

Вскочили, будто ошпаренные. Юля залилась краской от шеи и до кончиков ушей, Аля вздернула нос:

– Мы убирались.

Рита снова вздохнула.

– Вам бы не кости ребятам перемывать, а полы, все чище бы стало.

– Мы мыли!

– Вижу уже, труженицы мои. Надо все переделать, и быст-

ро, работы столько, что до обеда не управимся.

– Но...

– Алиночка, золотце, мое терпение кончилось еще утром, не нарывайся. Просто возьмите и сделайте все как надо. Без отговорок лишних, потери времени и нервов – моих и ваших. Неужто так нравится жить в грязи? Или сил не хватает, чтобы дело закончить? Почему я должна вас гонять? Сами никак?

– Подумаешь, посидели немного, – пробурчала Алина.

– Посидели, отдохнули – и хватит. Тряпки в зубы – и бегом. Ну?

За уборку они взялись неохотно, сверкая глазами и бурча что-то под нос. В голос не возражали, и то ладно.

Маргарита развернулась и вышла вон, только косы по бедрам хлестнули, а в спину донеслось:

– Ууу, раскомандовалась...

Рита лишь хмыкнула. Такие претензии – дело привычное. Да, она бывала порой резка, не считалась с чужим мнением и планами. Но для всех же старалась, не для себя.

Как-то естественно вышло, что и дом, и ребятня оказались на ней. Заниматься всем должна была Хильда, но дети не слишком-то доверяли местной ведьме, а о порядке и питании у Риты были свои представления. Вот и приходилось всех строить. Присматривать за девчонками, особенно за теми, у кого хватало ума кокетничать с местными, одергивать мальчишек, выбивать «блага цивилизации» из покрови-

телей. Роль большой хозяйки была ей непривычна, но пришлось по вкусу.

Еще бы времени в сутках было побольше. Уроки с магами и ведьмой никто для нее не отменял. И конспекты медицинские она пыталась писать, больше не доверяя своей памяти, из которой выветривались очевидные, казалось бы, вещи.

– Знаешь, Марго, – раздалось откуда-то сверху, – есть в этой твоей генеральной уборке нечто... а-а...

Что такого есть в уборке, Рита узнать не успела, потому что Линда чихнула, качнулась и взмахнула руками, восстанавливая равновесие на поперечной балке под потолком.

– Нечто пыльное?

– И пыльное тоже, – ответила, улыбаясь, рыжая и снова чихнула.

Прогулялась до другого столба, обмахнула пыль с паутиной и там, словно не замечая, что за каждым ее движением следит самый молодой из людей Рейнара, темноволосый красавчик Ивар.

Рита вздохнула. Поначалу Линда вызывала наибольшее опасение. Слишком яркая, слишком активная. Слишком похожая на джерриятцев, нелюбимых «рыжих братьев», если не считать зеленых глаз, столь редких в здешних краях. Она привлекала внимание и внешностью, и поведением, но при всей своей показной бесшабашности контролировала себя и окружающих и не позволяла им лишнего. А зарвавшимся могла и ребра пересчитать, а парни после бы добавили.

Она шутила и развлекала окружающих, охотно общалась с мальчишками и пыталась увилить от домашних дел. На тренировках дралась отчаянно и зло, постоянно оказывалась на земле, вся в крови и синяках, но поднималась раз за разом. Рита и злилась, и восхищалась таким упорством. И не понимала его. Грен Лусар, властный и таинственный, с недоговорками и неясными планами, ребят ценит и берег. И обещал если не золотые горы, то сытный стол и надежный кров.

Кто-то из мальчишек и девчонок магу верил безоговорочно и был едва ли не влюблен в него подобно Максу, Дэну и Юле, кто-то откровенно «быковал», как Тимур и Иван. Дети – восьми- и девятилетние Оля, Дань и Никита – будущим интересовались мало, у девочек-подростков мысли вообще непонятно где витали. Вернее, *понятно* где. Себя же Рита относила к осторожным и неопределившимся. Вроде и говорил грен Лусар складно, и давал многое, но что-то с ним было не так. Слишком сладки обещания и показательна ненависть к торийцам.

Мимо, пытаясь, прошел Дань. Ведро с грязной водой, слишком тяжелое для девятилетнего мальчишки, было к тому же неудобным, но он тащил его молча, сосредоточенно нахмурив светлые брови.

– Ох, Дань, ну хоть кто-то меня радует, – тепло произнесла Маргарита и взъерошила его льняные волосы.

Худой, гибкий и такой отзывчивый, светлый, этот ясноглазый мальчишка вызывал улыбку одним лишь своим при-

сутствием.

– Помочь? – спросил Витька, пропуская мальчика мимо себя в дверях.

То, как упрямо он мотнул головой, вызвало теплый отклик в душе Риты. Поди ты, самостоятельный.

– Хейя, девчонки! – поприветствовал Риту с Линдой Виктор и медленно произнес фразу на эйлате – стандартное пожелание добра, радости и милостей от богов.

Языку Эйлатейи, или, по-простому, Империи, ребят начали учить недавно. Ознакомили, проскочили по верхам и оставили в качестве «факультатива», делая упор на привычный уже джерр. Да, полконтинента говорит на эйлате, но – не здесь.

Рита поморщилась, отвлекаясь от мыслей.

– Тренируешься?

– Есть немного.

– Судя по твоему лицу, получается не очень.

– Не то чтобы совсем плохо, но...

Но плохо. Вот нет у парня способностей к языкам, бывает такое, и часто. И на джерре у него акцент жуткий, а уж эйлат, в устах грена Лусара мелодичный и гладкий, прямо-таки вкусный, звучит так, словно Виктор решил кого-то убить. Причем исключительно своим произношением.

– Понятно.

– Ничего, наверстаю. А вообще я к тебе за помощью. По медицинской части.

– Что случилось?

Маргарита нахмурилась: парень с глупостями не обращался.

– Может, и ничего серьезного, но глянуть стоит. Помнишь Одрика?

Марго скривилась. О да, она помнила Одрика и его сальные взгляды – и это при молодой-то жене!

– Он был с охотниками, что вернулись четыре дня назад. Кабанчика приволокли и так, по мелочи. А еще Одрик был ранен, но от помощи отказался.

– Как всегда, – пробурчала девушка.

– Сейчас лежит с жаром, вид нехороший, но посылает всех к дьярху, магов – в особенности. Но на тебя он согласился.

Рита скривила губы, не желая выяснять, в какой форме тот согласился и какими эпитетами одарил. Она знала, что нравится не только ему – многим, но грубоватое внимание ничего, кроме раздражения, у нее не вызывало. Любви Линды к подтянутым бруталам она не разделяла, для нее на первом месте всегда был ум, а этим, по ее мнению, здешний народ не отличался.

– Идем.

– Я с вами.

Рыжая кувыркнулась с балки назад и приземлилась на ноги. Выпрямилась, вся из себя спортивная, ослепительно улыбнулась Витьке, тот улыбку вернул.

Рита вздохнула вновь.

С той странной ночи прошла декада. Парень с девушкой, «пойманные» Хильдой, шороху навели так, что до сих пор девчонки сплетничали: пара они или нет? Подростки краснели, бледнели, облизывались и ждали подробностей. А Линда улыбалась загадочно и говорила, что они с Виком просто друзья. Конечно, ей не верили. И обсуждения заходили на новый круг.

Одно хорошо – про Мию забыли. Она отошла на второй план, да и сама, умничка, пыталась стать невидимкой. Даже на занятиях старалась казаться проще, чем есть. А Маргарита чуяла ее потенциал. И грэн Лусар, похоже, тоже. Но молчал, позволяя им играть в свои игры.

Не разговаривая, каждый в своих мыслях, они добрались до нужного дома. Рита уверенно шагнула через порог и поморщилась. У себя-то она порядок навела, а здесь... здесь пахло скотом, рыбой, не слишком чистым бельем и больным телом. Хозяйка вытерла руки о передник и шагнула к ним, на свет. Молодая, совсем еще девчонка. Наверняка была одной из первых красавиц деревни: статная, со светлыми косами до пояса – но сейчас ее миловидное лицо казалось нервным и злым. Измучилась и от беременности – месяц третий-четвертый, и от тревоги за мужа.

– Ты! – зашипела она, едва завидев Риту, и серое от усталости лицо совсем исказилось.

И тут же вздрогнула от рычащего окрика и убралась к кот-

лам и поварешкам.

– Кажется, тебе здесь не рады, – с усмешкой сказала Линда.

– Это неважно.

Мрачно, тесно, грязно. Рита впервые оказалась в гостях у местных и в другой раз обязательно бы осмотрелась как следует, но сейчас было не до того. Воздух завибрировал от нового рыка, девушка и половины из этой ругани не поняла. А ведь думала, что неплохо подучила джерр.

Мужчина разметался на постели в полубреду. Короткая борода, невымытые волосы похожи на прошлогоднее сено. А ведь он молодой, вряд ли намного старше самой Маргариты, но такой же усталый, как и жена. Перемотанная тряпкой нога отодвинута в сторону, словно Одрик пытался отстраниться от боли.

Рита убрала с дороги спихнутое на пол одеяло, шагнула ближе.

– Гренна Рита, – выдохнул мужчина, фокусируя на ней взгляд.

Гренна. В груди шевельнулось теплое чувство – восторг со смущением, – поднялось к горлу, но девушка задавила неуместное на корню. Магом признали, лестно, но радоваться будет потом. Сейчас важнее другие умения, те, по которым диплом имеется.

– Одрик, – обратилась она, трогая мужчину за плечо, отмечая попутно, что жаром пышет даже через ткань. – Одрик,

послушай...

Она говорила спокойно и строго, будто с больным мальчишкой, и мужчина, выдав новую порцию ругательств, согласился полежать тихо во время осмотра.

Тряпка прилипла, пришлось отдирать. Джеррец шипел, Линда за левым плечом сопела нервно, с перерывами, но не уходила. Так вышло, что ребята встали у кровати, девушка рядом, парень в ногах, и Рита не спешила их прогонять. Решила, что на подхвате будут, и занялась делом.

Промывать, отдирать и вновь промывать.

– Ну что? – не выдержала рыжая. – Выглядит скверно.

– Еще бы, – сквозь зубы выдохнула Рита. – Долбаный идиот! Надо же так рану запустить! Прижег, и все, решил, что само заживет. Как-то так. Мужики ж не болеют и не лечатся. Они умирают молодыми, блин!

– Все так плохо?

– Видишь, как покраснело и опухло? И гной... Да ты смотри, смотри! А то железками своими махать учишься, а как на рану взглянуть, так кривишься.

– Тут же от кабана...

– Думаешь, колото-резаная лучше выглядит? Или гниет иначе? Калечить умеешь, учишь лечить... А ты, дура, чего стоишь? Иди на огонь воду ставь!

Хозяйка вздрогнула, когда девушка перешла на джерр, обращаясь к ней. Сверкнула недобрый взглядом, но поручение выполнять метнулась.

– Марго, кончай злиться. Скажи лучше, что делать.

Рита взглянула на Витьку, спокойного, сосредоточенного, и выдохнула.

– Что делать... Рану чистить и зашивать будем. Антибиотик бы ему вколоть, но увы. Ненавижу дураков!

– Все могло быть и хуже, – сказал Виктор.

Маргарита кивнула, припоминая рассказы бабки о том, как на охоте пострадал сосед. Сапоги, штаны и все, что под ними, кабан порвал в клочья, но главное, и бедренную артерию задел. До деревни не дотащили, помер мужик.

Девушка вздохнула, покосилась на Одрика. Лежит, то ли сомлел, то ли уснуть умудрился. Нет, ну надо же быть таким идиотом! Когда человеку настолько плевать на то, что с ним происходит, это граничит с самоубийством. И почему к магам не обратился? Или к той же Хильде.

Чувствуя, что вновь заводится, она сжала кулаки и принялась распоряжаться. Виктору велела найти чистую ткань, алкоголь, иглу, нитки, веревки и пару крепких ребят. А еще нож, тонкий и острый, и организовать все так, чтобы было много света. Линду хотела отправить за ведьмой, но передумала. Сама пошла.

Многих травок, которые она знала, у Хильды не оказалось – не росли они тут. Зато женщина выдала какой-то толченый в мелкую крошку минерал «для убийства болезни» и напомнила, что Рита – ведьма и кое-что может. Сама джеррка участвовать не собиралась, хоть и обещала сделать отвар.

Девушка с досадой кивнула.

Да, ведьма. Ей и в прошлом-то мире не давали об этом забыть, спасибо бабке. Уж она-то ведьмой была классической: сильной, строгой, со взглядом, доводящим до икоты здоровенных мужиков. И хотела, чтобы Марго соответствовала.

А она стала врачом.

Но сейчас бы Нинель Марковна была рада. Рита вспомнила статную женщину с черной, без единого седого волоска, косой – за одно это завистницы называли ее ведьмой, не ведая, насколько близки к истине. Не меркнущая с годами красота, обширные знания, крутой нрав. Маргарита не любила это признавать, но она была похожа на бабку и внешне, и по характеру, и в этом мире сходство только усилилось. Мама была совсем другой – бабка звала невестку «бледной молью», – и девушка не могла сказать, с кем из них было проще общаться: с властной ведьмой или мягкой и неуверенной в себе «вечной жертвой».

– Ведьма-ведьма, чтоб тебя... – прошептала Маргарита, шагая к дому больного.

Переход в этот мир изменил ребят. Девушка чувствовала себя так, словно сняли колпак, под которым жила всю жизнь, и она наконец вдохнула полной грудью. То, что казалось ко-со работающими наговорами, на что тратилось столько сил, внезапно обрело смысл. Она увидела этот мир и услышала его, почувствовала токи, пронзающие все вокруг... ее саму.

Магия.

Рита и хотела ее, и боялась, лучше других понимая, что можно натворить от незнания и неосторожности.

Новые способности пока больше пугали, чем радовали: слишком непредсказуемы и сильны, – и пробовать что-то на живом человеке не хотелось. Лучше уж по старинке, скальпелем... То есть ножом.

Когда вернулась, стол уже вытащили на воздух, водрузили сверху больного. Мужчина тихо ругался. Возле дома собиравались зеваки из местных. Ритка под их взглядами разложила на лавке мешочки и склянки, закатала рукава. Обе косы черными змеями приткнулись за пояс, чтобы не мешать. Лишние люди малость нервировали, но бывало и хуже. Ей не привыкать.

– И что здесь происходит?

Грен Лусар. От его внимательного взгляда аж между лопатками зачесалось.

– И тебе доброго дня, – проворчала девушка, даже не думая скрывать раздражение. – Операция у нас. Желаете участвовать?

Нахмурился. Шагнул вперед, она посторонилась. Шевельнулись ноздри точеного носа, по лбу пробежала тень неудовольствия.

– Это работа для лекаря.

– Я так и знала, – буркнула Рита, улыбнулась натянуто и взглядом показала, что лучше бы ему отойти и не мешаться.

Он так и сделал, и девушка о маге тут же забыла, превра-

щаяся в отлаженный механизм, каждое движение которого – строго по делу.

Вымыть руки, сполоснуть крепким вином. Влить полкружки в рот пострадавшего, шепча успокоительный наговор, плеснуть на рану, промокнуть. Прокалить нож и – вперед.

Мужчина привязан, но двое парней все же держат его за плечи и ноги. Тот шипит сквозь зубы, рычит на джерре ругательства, но хоть не дергается, даже когда она касается раны сталью, иссекая мертвые ткани. Нож небольшой, но жуть какой неудобный, и это – лучшее из возможного здесь. И все же движения ее скупы и точны, опыт и знания на ее стороне. Витька подает прокипяченную ткань, Линда разводит края раны, морщится, но убежать пока не спешит.

И вот рана чиста, насколько это возможно. Сполоснуть, на этот раз свежим, почти горячим отваром Хильды, зашить, поверх – компресс с толченым ведьминым минералом. И – Рита, облизнув пересохшие губы, решилась – положить сверху руки и прошептать несколько слов, чувствуя, как теплеют ладони и потряхивает тело, как живительная энергия льется сквозь кожу и впитывается в чужой организм.

– Хватит!

Окрик мага привел в себя, девушка вздрогнула и отняла руки от пациента. Поплыло перед глазами, она качнулась, хватаясь за стол. Кажется, переборщила, отдала слишком много. Так хотелось закрыть глаза и стряхнуть с кистей

рук усталость, но она сделала над собой усилие и принялась за перевязку.

– Тебе надо учиться, маг не имеет права быть столь расточителен, – произнес грен Лусар, и его голос прозвучал непривычно зло.

– Знаю, – вяло огрызнулась девушка. Все же встряхнула руками, сонно улыбнулась ребятам. – Мальчики, девочки, я вас поздравляю. Мы справились, спасибо за помощь.

– Нам нужно поговорить, – сказал маг.

– Сейчас? Я еще не закончила.

Не надеялась, что мужчина отстанет, но он приподнял уголки губ, обозначая улыбку, ответил:

– Буду ждать у себя. Приходи, как закончишь.

Рита вздохнула. Она не боялась мага, как некоторые, но беседовать с ним наедине, к тому же сейчас, не желала. Но куда ей деваться? Покровители – они такие, считаться приходится. Грен Лусар тут гость лишь формально, а на деле – важнее хозяина, перечить ему никто не решается. Здешний эрл, тэн Йоррен, крепкий мужчина в годах, новый дом ребятам выделил и еще три магу «под личные нужды». И воинов расселил. И местные, странное дело, почти не ворчали.

Маргарита распорядилась насчет лечения, потрогала лоб Одрика – горячий, но уже не пугает. Уборку поручила ребятам, а сама, наскоро ополоснувшись холодной водой в нетопленной бане, отправилась к грену Лусару.

Глава 6

Маргарита

Дом встретил полумраком и чистотой.

Небольшой и даже уютный, чего Маргарита не могла сказать про местные жилища. Коврики под ногами новые, на лавках у стен книги, свертки и тюки, но все разложено так аккуратно, что не вызывает ощущения бардака. На кровати, перемещенной из дальней части почти на середину, накрывало расшитое. Кувшин, два кубка, закуски на столике.

И сам маг причесался, переоделся. К чему такие старания? Ох, не к добру...

– Проходи, садись.

И указал на кровать рядом с собой.

На миг кольнуло странной ассоциацией. Показалось, что сейчас он включит расслабляющую музыку, а она плюнет, развернется и уйдет.

Не плюнула. Не развернулась. Подошла и села на самый краешек, подальше от мага. Она бы выбрала другое место, но все лавки оказались заняты, а стул был лишь один, и тот в «кабинетной» зоне. Видно, не принимали здесь гостей или же не предлагали им сесть.

Молча смотрела она, как мужчина наливает что-то в кубок, но когда предложил ей, сдвинула брови и сказала строго:

– Не думаю, что это хорошая идея.

– Просто выпей. У тебя был сложный день.

Маргарита заколебалась, но грен Лусар смотрел открыто и прямо, и она приняла протянутый кубок. Пригубила самую малость, и брови изумленно поползли вверх. Она не считала себя знатоком вина, но... это было вкусно. В меру терпко, капельку сладко, с приятным ягодным тоном и еле заметным цитрусовым оттенком.

Мужчина едва заметно улыбнулся.

– Таэллийское розовое, из личных запасов. Нравится?

– Да.

– Вкус сильно зависит от региона, где оно родилось. Это из Тахойской долины, одно из лучших. Так же дорого, как и далеко от нас. Пей, здесь мало кому удастся его попробовать.

Отпила еще, спросила:

– И за что мне такое счастье?

Он развел руками. Губы улыбались, а глаза были предельно серьезны.

– Я что, не могу угостить свою ученицу? Ты, Маргарита...

Он приложился к кубку, выдерживая многозначительную паузу, а у Ритки екнуло сердце. Показалось вдруг, что скажет сейчас, как кое-кто до него: «Ты, Маргарита, красивая женщина, я – свободный мужчина...» – и все. Ей придется выкручиваться, смиряя злость, пытаясь не наговорить лишнего и при этом отводить так, чтобы даже мыслей лишних в голову не лезло.

Грен Лусар удивил.

– Ты ведьма по рождению и станешь весьма неплохим магом.

Девушка выдохнула. Улыбнулась своему самомнению и отпила еще, смакуя божественно вкусный напиток, легкий, ароматный, и не скажешь, что алкогольный.

– Ты умна и способна, но для грены этого недостаточно. Если хочешь, чтобы тебя приглашал каждый род Джерра и даже сам дзар, научись управлять силой. И распределять ее скупно.

– О чем это ты?

– Ты знаешь, кому помогла сегодня?

Она неопределенно двинула плечом.

– Его зовут Одрик. Местный, был ранен на охоте.

– И все?

– А что с ним не так?

– Ничего. Но он просто охотник.

– И?

– И это работа лекарей – справляться с подобными ранами. А ты маг. И не должна делать чужую работу, тем более для простых людей.

Рита моргнула.

– Нормально. И мне надо было бросить человека в беде просто потому, что он не тэн, или маг, или еще кто из знати?

Хмель и усталую расслабленность как рукой сняло.

– Тебе не нужно было возиться с ним так много и уж тем более растрчивать свою силу. Опыт вышел хороший, не спорю, но каждое действие имеет цену, и помощь твоя должна быть ценна. Не торопись помогать всем подряд.

– Я врач. Никогда не умела и, надеюсь, никогда не научусь закрывать глаза на чужую боль, – отчеканила она. – Особенно если могу помочь. Может, я и сделала лишнее, но не во вред, это точно. И значит, была права. И дело тут не в награде, просто не должно быть иначе. Я – не могу иначе.

Голова вдруг закружилась, Рита поднесла пальцы к виску, ненадолго прикрыла глаза.

– Прости, я очень устала. День был длинный, и если тут все, я пойду отдыхать. А за вино спасибо.

Она встала и шагнула было к двери, но грен Лусар поймал за руку. Девушку словно током прошибло, а от ладони пошли по телу теплые волны.

– Подожди. Спешить некуда.

Рита обернулась к магу.

Хорош собой, хоть и старше ее лет на десять-пятнадцать.

Темные выразительные глаза, точеный нос, чувственные губы. Голос слаще патоки, и что-то в ней отзывается в ответ на его приятные вибрации. Маргарита качнулась и бросила испуганный взгляд на свой кубок, в котором вина осталось на доньшке. Нет, чтобы напиться, маловато будет. А если...

– Что ты мне подмешал?!

– Узнала? – спросил, усмехаясь, маг, и на этот раз даже глаза его потеплели. – Я ведь рассказывал. Цветочный запах, сладковатый вкус, с вином хорошо сочетается...

Что-то такое он и вправду говорил на занятиях, но что? Мысли путались, все внимание сосредоточилось на руках мужчины, держащих ее ладонь.

– Сядь, – велел он, и девушка плюхнулась обратно на кровать, словно команды ждала. – Думай. Ты все помнишь.

Если бы думать было легко!

– Любовный напиток! – изумленно выдохнула она.

– Зелье чувствительности, – с легкой укоризной поправил он.

– Это подло...

По спине пробежала дрожь, девушка куснула губу, чтобы не застонать, когда он повернул ее руку ладонью вверх и погладил запястье. «Надо уйти, надо уйти!» – стучало в голове, а тело почему-то не слушалось. Телу хотелось подставить под его чуткие пальцы еще какую-нибудь свою часть.

– Маг должен быть очень внимателен, особенно если маг этот – столь прекрасная женщина. Выбирать, с кем и что

пить, что и кому говорить, как расходовать силы. Тебя ведь на всех не хватит. Ты хочешь лечить – похвально, работа будет всегда, но ты просто иссякнешь, а после умрешь, если будешь отдавать так бездумно. Учись расходовать аккуратно, а еще – быстро восполнять резерв.

Вещи он говорил правильные, Рита понимала это и даже внутренне соглашалась, но руки... руки его творили что-то совсем несерьезное и малоподходящее для наставника. Щекотали запястья и сжимали плечи, словно случайно касались колена и оглаживали бедро. Дрожь желания прокатывалась по телу волнами, заставляя вздрагивать и выгибаться. Мелькнули и исчезли страх, раздражение, осталось лишь чувство неправильности происходящего, и оно крепло в ней вместе с жадой продолжения.

– Вот и сейчас зелье так сильно действует лишь потому, что ты слаба. Но я помогу. Ты веришь мне?

Собрала волю в кулак, выдохнула:

– Нет. Не верю. Я и вправду пойду.

– Понимаю, – сказал мужчина и притянул к себе.

Близко, слишком близко. Так наверняка слышно и грохот ее сердца, и рваное дыхание. Открыла рот, чтобы возразить. Не успела. Его губы коснулись ее – легко, дразняще, почти случайно. Девушка замерла, и мир сузился до этих губ и мужских рук, что крепко держали ее за плечи.

Целоваться негодяй этот умел, и еще как! Сверкали звезды, шумело в ушах, голова кружилась, как от шампанского,

и мысли, закручиваясь в водоворот, улетали далеко-далеко.

– Ты красивая женщина, Маргарита, – сказал грен Лусар, отрываясь от ее губ.

Рита нервно хихикнула раз, другой и, не выдержав напряжения, расхохоталась. Маг нахмурился, явно не понимая причины, а она не могла остановиться и все смеялась, сильно, до слез и колик в животе.

– Ох, вот так общаешься с человеком, общаешься... – начала девушка, стирая со щек мокрые дорожки, – а потом он выдает ни с чего: «Вот ты, Маргарита, красивая женщина, я – свободный мужчина... а не пора ли нам в койку?» или что-то еще в том же духе. Как же это дос-стало! Сил моих больше нет.

Он молча встал и сходил к рабочему столу, вернулся с кружкой попроще.

– Пей.

– Нет уж, спасибо. Мне и того бокала хватило.

Эта истерика подействовала на нее не хуже холодного душа. Нет, кожа еще горела от его прикосновений, тело ныло в ожидании новых, но в голове значительно прояснилось.

Мужчина поставил кружку на столик и продолжил убеждать:

– Это вода. Просто вода. Тебе нужно успокоиться и сделать то, ради чего все было затеяно.

– Э, нет... – протянула Рита, поднимаясь.

– Да сядь ты уже! – рявкнул маг.

Он с силой схватил ее за плечи, девушка поморщилась и осознала с испугом, что даже боль ей сейчас по нраву. «Бежать, скорее бежать!» – вновь забилося в голове. Хватка ослабла, мужчина вздохнул и огладил ее руки, словно извиняясь за несдержанность.

– Не бойся меня, Маргарита. Я не трону тебя, обещаю. Не сегодня. Потом, если захочешь и сама придешь.

– Не приду, – уронила она.

Он улыбнулся уголками губ, словно знал что-то, недоступное ей.

– Как скажешь. А сейчас – разуйся, ляг и приготовься слушать.

И Рита решила. Не на бросок к двери, нет, а на то, чтобы вновь опуститься на кровать. Не похож он на маньяка, а с остальными всегда можно договориться.

Или просто ей хотелось остаться?

Обувь упала на пол, девушка раскинулась на постели звездой – делай что хочешь. Мысли опять занесло не в том направлении, но тут грен Лусар мазнул чем-то холодным и мокрым ее лоб, потом запястья и щиколотки.

– Учись смотреть в суть вещей, видеть больше, чем остальные. У зелья, которое ты назвала любовным напитком, есть одно прелестное свойство: оно и вправду усиливает чувствительность. Запах, вибрация, звук. Прикосновение. Оно будто барьеры в голове сносит. На простых людей действует весьма... определенно. Особенно на чувственных женщин.

Он произнес это так буднично, что девушка, несмотря на двусмысленность своего положения, даже не смутилась.

– А что это значит для мага? – продолжил он, словно на лекции.

– Что?

– Думай!

Рита поерзала в кровати. Лежать звездой становилось неудобно, но она не рискнула перевернуться и попыталась отрешиться ото всего.

Чувствительность, значит. Для мага. И отсутствие барьеров в голове.

– Пополнение резерва? – выдохнула она.

– Именно так. Ты же знаешь, чем маги отличаются от всех остальных? От тех же ведъм или шаманов? От воинов Севера, использующих гьярру? Наш дар – это способность осознанно воспринимать и поглощать силу, изменять и ее, и, с ее помощью, мир. Магия как она есть. Не заговоры и травы, не общение с духами, не внутренние резервы. Энергия в чистом виде. Наши тела впитывают ее всегда, без нашего участия, но этот процесс можно ускорить. Мое зелье как раз для этого.

Ага. Только эффекты побочные весьма интересные.

– И насколько широко это зелье известно? – спросила, думая о том, что пить теперь будет только воду, собственноручно вскипяченную.

– Это моя личная разработка. Сам составлял и проверял

его.

– И много экспериментов было?

– Достаточно.

Было что-то такое в его голосе, из-за чего девушка предпочла не развивать эту тему. Она прикрыла глаза и тихонечко усмехнулась. Нет, ну какое удачное средство! Перетрудился маг, вычерпал резерв до доньшка – так не беда! Вечером тяпнуть винца с закусочкой – и в постельку с активной «грелкой», да так, чтоб не спать. И утром снова свеж и готов к подвигам. Красота!

Все это позволяло взглянуть на мага в ином свете. Оказалось, не такой уж он и ледышка. Внезапно представилось, как могли проходить те эксперименты, и Рита замотала головой.

Ей совсем не хотелось смотреть на мага в таком свете. Все это было... неправильным.

– Урок окончен? Я могу идти?

– Может, на контуры взглянешь?

Рита, как на занятии, постаралась переключить зрение на магическое. Получилось удивительно легко, и девушка оказалась в мире серебристо-золотых завихрений и линий, которые то замирали, то шевелились неспешно, сплетаясь в абстрактные фигуры. Грена Лусара она видела как эллипсоидную сферу. Полыхали гневными огоньками защитные амулеты, контур мужчины светился ярко, чисто, сверкал всеми цветами радуги. Вокруг неясной дымкой колыхалось облако

– второй контур, осознать размеры которого удавалось далеко не каждому магу. Ей вообще повезло хоть как-то видеть его.

Как выглядит сама, Маргарита не знала, но чувствовала себя великолепно. Сила звенела в теле, наполняя его и смывая усталость трудного дня. С легким сожалением она вынырнула из красивого серебристо-золотого мира и вернулась в обычный, материальный.

Чувственные губы мага улыбались, девушка уставилась на них, но тут же отвела взгляд. Так, на всякий случай.

– Спасибо за урок, грен, – тихо сказала она.

– Обращайся. А теперь обувайся и иди молоко пить. Кружку, не меньше. И ночью из комнаты не выходи.

– Почему?

Вместо ответа мужчина положил руку ей на живот, и Рита едва не задохнулась, чувствуя, как пробуждается вновь под его ладонью жадное до ласк чудовище. Села рывком, отодвинулась, разрывая контакт. Локоть задел кружку с водой, та дернулась на столике, но устояла. Девушка взвыла:

– Ну зачем?! Ты обещал!

Он отошел к рабочему столу.

– Ты очень чувственная, Маргарита. Не забывай об этом, когда пьешь с магами. А сейчас – молока. На сегодня это поможет.

В груди закипела злость – на себя, на него, на дикую атмосферу этого вечера, на чертово зелье. Девушка зарыча-

ла на джерре самое забористое из известных ей ругательств. Грен Лусар рассмеялся, показавшись еще симпатичнее, и это взбесило.

– Хватит! – рявкнула она, чувствуя, как холодеют пальцы правой руки. – Сколько ж можно дергать меня, словно девочку юную, и упиваться властью?! Не стоит. Не знаю, игра это или какой-то новый эксперимент, но – не надо! Оставь для кого-то другого, кому развлечения такие по вкусу!

Он поднял со стола кубок, провел большим пальцем по краю.

– Разве тебе не понравилось?

Сила поднялась душевной волной. Глаза девушки распахнулись, пальцы сложились в фигуру – легко, будто делали это много раз, – а с губ слетело заклятие. Вода плеснула из кружки, сорвалась в сторону мага, замерзая на подлете в острые иглы. Запоздало Марго испугалась, но грен Лусар дернулся в сторону, махнул рукой, и ледышки, звеня, осыпались на пол.

– Я... – начала она на вдохе, замерла, выдохнула, – случайно. Но извиняться не буду.

– Я и не жду.

Он поставил кубок обратно, ополоснул ладонь, на которую пролилось вино, тщательно ее вытер. Взгляд его сверлил Риту, будто хотел проникнуть внутрь и вывернуть наизнанку. Пальцы, длинные, сильные, выбили из стола дробь.

– Значит, вода. Интересно.

Мужчина словно что-то решил для себя, выпрямился и

вмиг стал прежним. Холодным, властным, чуть-чуть надменным. Рита нахмурилась, пытаясь понять, что из этого маска – такая вот отстраненность или все, что было прежде? Или и то и другое?

– С тебя на сегодня хватит. Иди, – велел он.

Просто уйти? Пить вино, слушать лекцию, целоваться с учителем и едва не наспиговать его ледяными иглами. И уйти. Ну и вечерок выдался. А она еще думала, что день тяжелый.

Он ждал, и она сползла бочком с кровати, сунула ноги в обувку и молча направилась к двери. На пороге уже ее настигло:

– Не буду спрашивать, как у тебя оказался первый том «Стихийных заклятий» Эрнеста Таросского. Книгу можешь придержать, но заниматься будешь со мной.

Она замерла и скривилась, мимолетно радуясь, что он не видит ее лица. Черт! Заклятие! И надо же было так подставиться. И на грена Иртена не спишешь, что подсказал: он огненный, и вода со льдом – не его профиль.

Книга попала к ней вообще случайно: отдал Тимур, и с его слов, ее просто забыли в «учебном» сарае. И девушка сразу хотела вернуть ее магам, но... как-то так вышло, что уже три дня не могла донести.

Попробуй теперь все это объяснить.

Ну что за вечер-то, а?

Взгляд мага будто к спине приклеился, и выдохнуть Рита

смогла, лишь ступив через порог. Зашагала спешно к дому. Ее немного потряхивало и, кажется, даже шатало, и вообще сам путь запомнился плохо.

Теперь еще и книга, думалось ей. А все это зелье! И маг. И руки его...

Она стиснула ладонями голову, будто пытаясь выдавить лишние мысли, и застонала.

– Черт бы побрал этого мага! – прорычала она, шагая вперед, и охнула, налетев в дверях на Юрку.

Тот, не позволяя упасть, придержал за плечи. Отстранился, разглядывая, хмыкнул.

– Выглядишь немного потрепанной. Что-то случилось?

– Случилось, – буркнула девушка. – День не удался.

– Как всегда или как-то особенно не удался?

Поморщилась.

– Юр, свали, и без тебя тошно.

– Маргаритка, ты чего? Я же помочь хочу.

Глубоко вздохнула, но так и не сказала, куда ему идти со своей помощью: за спиной Юры показались Линда с Виктором. Рыжая вгляделась в Ритино лицо. Видно, заметила что-то, потому как обогнула блондина и вцепилась в ладонь девушки.

– Вик, будь другом, молока принеси! – успела выкрикнуть Рита, шагая за Линдой, которая, словно тягач, тащила ее за дом. – Да побольше!

Виктор

Девчонки устроились у дровяного сарая. Линда сидела на высокой колоде, пятки ее раздраженно постукивали по дереву, а пальцы теребили щепку. Маргарита примостилась с краешку на поленнице, прижав ладони к щекам, и косы ее двумя черными змеями свисали почти до земли. Качались при каждом вздохе, и Витька смотрел с интересом: подметут кончики сор или нет. Такие волосы он раньше лишь на картинках видел, считая привилегией дев прошлого или же ведьм. И вот она тут, настоящая и живая. Ведьма.

– Твое молоко. И хлеб.

– Спасибо, – сказала и вымученно улыбнулась девушка, принимая от Витьки кувшин и кусок каравая. – Хильда спрашивала?

– Ее не было.

– Хорошо.

Рита обожгла взглядом и тут же опустила ресницы. Вздохнув, присосалась к кувшину, по подбородку на шею потекла белая струйка. Девушка поперхнулась, закашлялась, на глазах заблестели слезы. Виктор подождал, пока она выпьет

еще, вытрет рот. Спросил:

– Что случилось-то? Ты сама не своя после встречи с греном Лусаром.

«И не было долго». Подумал, но промолчал.

Маргарита куснула губу, Линда сказала немножечко раздраженно:

– Она даже мне не говорит. Велела лишь не пить с магами.

Витька нахмурился, очень надеясь, что все не так, как ему думается. Оглядел быстро Риту. Да, немного взъерошена, глаза лихорадочно блестят, и платье несвежее, но и денек у нее выдался трудный.

– Расскажешь?

– О чем? – устало и зло откликнулась Марго. – О том, как маг любовным зельем меня опоил, или как резерв восстанавливала, попутно слушая лекцию? А может, о том, как чуть не воткнула в него с десяток ледяных игл?

– Как опоил? Кто? – охнула Линда. – Грен Лусар? Наш маг-ледышка?

– Нет, блин, папа римский!

Рыжая покосилась на Витьку, перевела взгляд на сердитую подругу и спросила осторожно:

– Он тебя... не обидел?

– Нет!

– Точно?

– Я, может, и не совсем в трезвом уме, но с памятью пока все в порядке. Да не смотрите на меня так! Ничего не было.

– Если вам надо вдвоем поговорить, я позже подойду, – предложил Виктор.

– Не было ничего! – рявкнула Маргарита.

То, как упорно она это утверждала, наводило на мысль об обратном. Кажется, девушка и сама это поняла и, рассерженно топнув, отвернулась.

– У грена Лусара очень интересные наработки, – наконец сказала она. – И методы обучения... своеобразные.

Когда она рассказала, как прошел вечер, Виктор подумал, что «своеобразные» – чересчур мягко сказано. Нестерпимо захотелось пойти и подправить магу его холеное личико, чтобы наработки свои, как и руки, держал подальше от девчонок.

– Пришибить эту сволочь! – зашипела Линда, и зелень глаз сверкнула яростью.

Девушка спрыгнула с колоды, прошлась туда-сюда, усе-лась вновь.

– Нет, ну нельзя же так!

– Нельзя, – согласился Витька, стискивая кулаки.

– И? Мы опять будем сидеть и ждать непонятно чего? Ты ничего не хочешь сделать?

От всего этого и так было тошно, и вопросы Линды на-строение не улучшали. Он мог бы сказать, что «тискать де-вок» в этом мире – не преступление, раз уж не было урона чести, но... это звучало паршиво даже в голове, и озвучивать подобное он не собирался.

Он собирался разобраться с магом.

– Я с ним поговорю.

– И все?

– А чего ты от меня ждешь?! – разозлился парень. – Вот чего?

– Хоть чего-то! – огрызнулась рыжая.

Спрыгнула с колоды вновь, шагнула навстречу, палец остро ткнул его в грудь.

– Ты только и делаешь, что с Рейнаром тренируешься и на занятия ходишь как одержимый.

Линда смотрела требовательно и зло, и это раздражало. Как она не поймет, что они здесь – люди почти бесправные? Пусть не рабы, но на все воля грена Лусара. Да, у них новый дом, их кормят и обучают, относятся хорошо – но все в негласный кредит, который придется когда-то выплачивать. Все до тех пор, пока угодны магу.

Наверное, хорошо жить как она: быть яростным и страстным, ярко реагировать на все, что происходит. Знать лишь «здесь» и «сейчас», не помнить первых дней...

Не помнить.

А ему будто впечатался в мозг тот бой между торийцами и гьярраварами. Хотя какой бой – бойня. Пока ребята, слабые, как котята, пытались очухаться после перехода, люди Снура вырезали тех, кто выдернул их в этот мир. Быстро, легко, безжалостно. И оба мага тоже не в сторонке стояли, причем грен Лусар оказался вполне боевым, а не только любителем

в чужих головах покопаться. И выражение лица его Виктор запомнил, и иллюзий насчет «добренького мага» не питал.

– Я учусь, Лин. И тебе советую. Чем больше умеешь, тем сильнее становишься – ты умная девочка и сама это понимаешь. Мы же ни черта не знаем об этом мире. Ни о джеррцах, ни о торийцах, ни об Империи. Ничего, кроме того, что нам рассказали, и правда ли это, одному магу известно. Настанет день, и мы сможем что-то изменить. А пока – учимся всему и не отвечаем. Мы здесь не навечно.

– Звучит так, будто бы ты боишься, – презрительно сказала девушка.

– Боюсь. Только не за себя. На меня влиять сложно, и в мире этом я, если что, без чужой помощи выживу. Чего не могу сказать про остальных. Очень разношерстная у нас компания.

Линда вскинула голову.

– И ты опять будешь разговаривать с магом, да?

– Да. Лин, если ты думаешь, что я человек, который решает вопросы кулаками, ты сильно ошибаешься.

– А я бы врезала.

– Даже не сомневаюсь. И дальше что? Получить плетей порцию, развязать магу руки для открытой агрессии? Класс! Наш вариант, да?

Линда стиснула зубы и кулаки, выдохнула:

– Бесишь!

– Линда, он прав, – подала голос Рита. – Будем осмотри-

тельнее. Меньше доверять, по одному не ходить, особенно – к грону Лусару.

Скривила губы в усмешке и обняла себя за плечи. Продолжила, изображая оптимистку:

– Молока больше пить, помогает. Да и урок полезным был...

– Полезный урок, да? А мне кажется, это уже на...
...силе.

Виктор схватил рыжую за плечо. Она дернулась и замолкла на середине фразы, возмущенно глядя на парня. Он вложил в ответный взгляд столько укора, что Линда потупилась и проворчала, не желая отступать от темы, но и не наседавая уже столь рьяно:

– Скажи еще, маг – невинная овечка и ты его не винишь.

– Не скажу, – насупилась Рита. – Но я, как и Виктор, за разумный подход.

«Разумный и трусливый», – читалось в глазах Линды, и скажи она это, Витька не смог бы возразить. Да, ему пришлось запихнуть гордость подальше, поставив на первый план жажду жизни и осторожность. Да, это логично. Но правильно ли?

И как, черт возьми, все это бесит!

– Ты всегда за него, – проворчала рыжая.

– Так если он прав, чего мне быть против?

– Пфф! А если нам просто уйти? Совсем.

Линда стояла близко-близко, все еще злая, но уже не столь

решительная.

– Кому – нам? – спросил Витька.

– Ну... – начала рыжая и замолчала, опустив ресницы.

Сама поняла, что все не пойдут. Ребят хорошо обработали, и многим здешняя жизнь по нраву. И если идти даже, то куда? Джерр по всем статьям неплох. Да, север, и жизнь тут суровая, но если есть у тебя голова и руки, то жить будешь. И земли, говорят, дают. И магов привечают.

В Империи – теплой, сытой, обширной – хуже. Там торийцы, и к одаренным, особенно невесть откуда вылезшим, у них отношение особое. И потому в центральные земли, Таэллию там или Тахойю, лучше не соваться, как и на западное побережье.

Энея формально свободна, но в здравом уме туда не отправишься, если только жить не наскучило: болота сплошные да мор каждые лет пять народ косит. Вот и не нужна она никому, Энея эта. Готские горы, что Эргот, что Баргот – поле для дележа местных общин. Они друг друга-то не любят, не то что чужаков.

Говорят, затеряться можно в Приграничье, что было когда-то восточным рубежом Империи. Но можно и сгинуть: там давно уже расплодились иные твари в количестве, со спокойной жизнью несовместимом. И даже если повезет тебе и пройдешь эти земли, то окажешься в Великой Степи, а уж она-то мирной никогда не была.

Есть еще Ильканте, родина лучшей на континенте стали и

отчаянных рубак, диковатые Фарамы с кучей местных племен, и эмираты Даулай и Ир-Фаре, но это самый юг, практически край географии. Дальше только Тхорские острова и Огненная земля с тамошними шаманами.

Вот и куда податься без денег и знаний? С распростертыми объятиями их нигде не ждут. Тут как ни крути, а придется признать, что маги и тэны с их наукой – ключ к будущему для ребят.

– Ты сама-то уйти хочешь? – спросил, уже зная ответ. – И тренировки с Рейнаром так легко бросишь?

И отпустят ли? Вот главный вопрос.

Рыжая развернулась и пнула колоду.

– Вик, как же ты бесишь своей рациональностью! И бессилие наше бесит!

– Лин, веришь ли, меня тоже, – выдохнул он устало.

Девушка шагнула обратно. Встала близко, заговорила быстро и негромко, не отрывая от парня взгляда, не заботясь о том, чтобы Рита слышала – или не слышала:

– Ты же понимаешь, мы не можем оставить все так. Сделать вид, словно ничего не было, словно все хорошо, все нас устраивает. Просто не можем. Не знаю, как ты, но я не могу.

– Я решу этот вопрос. Просто... доверься мне, ладно?

Кажется, она хотела что-то еще сказать, но лишь стиснула зубы и коротко кивнула.

Разойтись они не успели. Слишком долгий день порадовал очередной проблемой. Девятилетний Дань прилетел

взъерошенный и запыхавшийся, выпалил:

– Там Тимур местных бьет! Скорее!

Оказалось, били Тимура.

Глава 7

Виктор

Тим ввязался в драку за дальними сараями, возле стены. Нападали сразу двое, один схожей комплекции, невысокий, но чуть поплотнее, второй старше и крупней, и от него парнишке доставалось немало.

Тимур вертелся юлой, бил руками и ногами, отчаянно, зло, но получал еще больше. Ушел от удара в голову и тут же схлопотал от мелкого по почке, с разворота врезал тому в челюсть и был опрокинут старшим на землю. Перекатился, и нога, метившая в ребра, прошла мимо. Встать не успел, противники оказались шустрее, а он слишком устал и пропустил много ударов. Закрыл руками голову, пытаюсь ногой обороняться хотя бы от одного.

И тут подлетел Витька.

Мелкий покатился по земле от тычка, второй переключо-

чился было на парня, но получил в ухо и оказался скручен в болевом захвате. Тимур поднялся и хотел ринуться на обидчика, но Линда перехватила за руку, вставая между ними.

– Отойди! – рявкнул Тим.

– Остынь сначала! – бросила она.

Тим глянул с вызовом, но девушка не отошла.

– Чего не поделили? – спросил Виктор, встряхивая парня.

Тот молчал, пытаясь выдрать руку. Безуспешно, конечно.

Мелкий попятился, надеясь скрыться, но на пути встала Рита.

Витька огляделся. Из ребят – воинственные девчонки, Мия, что прижалась к стене сарая, да Ваня, который только что подошел, но уже был готов помогать своим. Остальные – вездесущая мелочь, пара рабынь, какие-то женщины, местные парни. Вечер, в деревню вернулись все, кто мог.

Только «охрана» куда-то делась. Плохо, доказывай потом, кто был прав.

– Успокоился? Отпускать?

Старший обидчик, Йон, кивнул и потер руку. Буркнул:

– Он сам полез.

– Врешь! – зло прошипел Тим и шмыгнул носом. Кровь никак не хотела останавливаться, и он вытирал ее рукавом. – Они первые начали. Задирали Ми... меня. Обзывались.

Парень даже не смутился. Ну обзывали, и что? Что ты нам сделаешь? Виктор повел плечами и глянул сначала на одного, потом на другого.

– Двое на одного... нехорошо. Я готов уравнивать силы.

Мелкий завопил:

– Так нечестно! Я против тебя не пойду.

Линда хищно оскалилась:

– Раз так Виктора боишься, давай со мной.

– Мы девок не бьем, – презрительно отозвался старший.

– Вот и прекрасно! – прорычала девушка и хрустнула пальцами, – отпинаю по-быстрому, мелочь трусливая.

Парень вскинулся, и Виктор встряхнул его за ворот так, что старенькая ткань рубахи затрещала. Из-за спины окликнули, ставя ударение в имени на второй слог и грозно раскатывая «р»:

– Виктор, и чем тебе Йон не угодил?

Витька скривился. Рейнар. Запоздал он с разборками. Лучше бы совсем не являлся.

Но разобраться по-тихому все равно бы не вышло. Все, что происходит в деревне, становится известно тэнам и магам. И драки здесь не поощряются. Хочешь выяснять отношения – иди на площадку для тренировок, там старшие и присмотрят, и рассудят, если что. И мальчишки местные не просто так сникли, знают, что неправы.

– Эти двое напали на Тимура.

– И ты позволил себя избить?

В голосе тэна Рейнара и его взгляде, обращенном на пострадавшего, не было ни тепла, ни сочувствия. Только досада, словно мальчишка не оправдал надежд.

– Может, зря я тебя учу? Может, место твое среди малышей и женщин?

Воин говорил, а Тимур глядел волком, но продолжал молчать, пока тэн не переключился на обидчиков. Маргарита, в которой снова проснулся врач, уцепила Тима за локоть и потащила промывать боевые раны.

– Из-за чего на самом деле-то подрались? – спросил Виктор позже, в доме.

Девушка отвлеклась, споласкивая тряпочку, и мальчишка перестал шипеть от касаний.

– Я уже говорил, – хмуро отозвался Тимур. – А еще они к Мие приставали.

– Чего?!

Старшие девушки переглянулись, уставились на девочку. Та опустила ресницы.

– Того! Два придурка ее зажали в углу. Я что, в стороне должен был стоять?!

– Нет, конечно, – сказал Виктор, проклиная в душе внезапную прилипчивость местных. – Молодец, что вступился. И что про Мию болтать не стал. Ни к чему ей внимание лишнее.

– Не дурак же.

Витька глянул на девочку.

Маленькая, худенькая, вечно взъерошенная, словно большеглазая испуганная птица. Может, ее светлая хрупкость и по вкусу местным, но ребенок же, как ни глянь – ребенок!

Да, четырнадцать лет здесь «самый возраст», особенно в глухих деревнях, но не для всех же. Алина всего на год старше, а Соня на два, но обе уже девушки, и по фигуре, и по мозгам. А тут – невинность полнейшая, а сволочи эти туда же, додумались! Зря он им по шее не надавал, ой зря!

Рита взялась перебирать волосы девочки, нашептывая что-то едва слышное. То ли успокаивала, то ли наговор читала – не понять. Линда присела на корточки, спросила, глядя снизу вверх:

– Первый раз полезли?

– Нет.

– И давно?

Мия замялась.

– Через два дня после той ночи. Ну, когда я к грену Лусару ходила. Они... просто задевали, будто случайно, спрашивали, часто ли по ночам гуляю и где, смеялись. Не постоянно, но... неприятно. Старались застать одну. А сегодня прицепились так... всерьез. Я хотела уйти, но Йон схватил за руку. Больно. А Тим вступился. Вот как-то так.

Мальчишка опять смотрел волком, девочка терзала платок.

– Милая, почему ты раньше нам не сказала? – спросила, наклоняясь к ней, Рита.

Девочка подняла голову, ясные голубые глаза взглянули прямоком в Витькины синие.

– Не хотела вам лишних хлопот доставлять. У вас и так

их полно.

Парень мысленно чертыхнулся. Вечно загруженный, он забывал про ее особый дар, эмоциональную чувствительность, общался будто с нормальным человеком. И добрая девочка решила не грузить, жалуясь, а справляться со всем сама. Не вышло.

– Я нормальный человек, – сказала она, будто отзываясь на его мысли. – Только... не надо меня жалеть, я... не люблю этого.

– Извини.

– Ты не со зла, я знаю. И... ребят, спасибо вам за заботу, но, может, хватит обо мне думать? Кажется, Тимуру вы нужнее.

Рита нахмурилась, но отстала. Линда тоже поднялась, отошла в сторону вместе с Виктором.

– Не нравится мне это все, – прошептала она. – Надо с девочками поболтать. Мало ли, вдруг кого проглядели. Не хочу об этом думать, но... ведь могли! Цветник у нас еще тот, чего только Алина с Сонечкой стоят! И ведь слова не скажи, огрызаются. Ох, Вик, что-то не по душе мне роль жандарма.

– Ты справишься.

– Ты так веришь в меня?

– Тебе деваться некуда.

Рыжая фыркнула, но улыбнуться он ее заставил.

– У меня много талантов, конечно, но общение с девочками-подростками – не мое.

– Мне казалось, ты не настолько стара, чтобы забыть, каково это.

– Эй ты! Стара? Серьезно? Мне двадцать вообще-то!

– Целых двадцать? Хм...

Парень улыбнулся широко и сделал шаг назад.

– Думаю, нам стоит поесть, – сказал он и отправился на хозяйственную часть. – Ужин-то пропустили.

– Ви-ик, – с угрозой в голосе протянула Линда и ринулась следом.

Нагнала у стола и хотела толкнуть в плечо, но едва не снесла котелок, потому как парень увернулся и направил девушку вперед. Перехватил в последний момент, развернул, пальцы легли на ее запястья. Она качнулась, и он шагнул, прижимая к столешнице.

Застыли, уставившись друг на друга. Близко, очень близко. Непослушные рыжие пряди возле лица, распахнутые в удивлении глаза, чуть приоткрытые губы. Биение пульса девушки под его пальцами – рукава рубашки закатаны, обнажая нежную кожу... будто приглашая огладить ладонями. И запах: ромашка и полынь, и капелька медового донника – совсем как степь, нагретая жарким летним солнцем.

Черт, и что у него в голове?!

Линда уперла ладони в его живот, толкнула легонько, и он будто очнулся. Шагнул назад, нервно хмыкнув. Во взгляде рыжей светился... интерес?

– Не надо так, – шепнула она. – А то подумаю лишнее, по-

том отвечать придется... Ожиданиям моим соответствовать.

Скользнула мимо него, загремела посудой. Витька поворочил угли в очаге, подкинул щепы и веточек покрупнее. Глянул на ее спину. Фигуры под мешковатыми рубахой и штанами не видно, волосы стянуты веревочкой, но часть выбилась и распушилась огненным ореолом.

Нет, ну и что на него нашло? Да, красивая, интересная, но... не время, не место. Отвлекся от мыслей о Мие, называется!

Девушка, не оборачиваясь, промурлыкала:

– Вик, ты не знаешь, может, грен Лусар в воду что-то добавляет? И местным, и... неместным тоже.

Ну не зараза ли?

– Ты его, главное, не спрашивай. А то добавит, эксперимента ради.

– Лады.

Маринина стряпня хоть и не шла в сравнение с Риткиной, но с голодухи показалась дивно вкусной. Маргарита от еды отказалась, Тимур поклевал немного, морщась каждый раз, как приходилось открывать рот. А Мия все смотрела то на парня, то на девушку и кривила губы, пытаясь сдержать улыбку. Витька подмигнул, призывая в сообщники, и девочка серьезно-серьезно кивнула.

Линда

Южный ветер принес в деревню лето, полное зелени, запахов и птичьих трелей. Солнце, как по расписанию, каждый день заливало лучами двор, сквозь окна и открытые двери пробираясь в дома. Настроения царили совсем несерьезные, девчонки цвели, парни их подначивали. С местными полторы недели уже не было ни стычек, ни прочих острых моментов. Они и раньше не торопились идти на контакт, а теперь ребят будто сторонились.

А Йон с товарищем, имя которого Линда так и не узнала, из деревни уехали. «К дальним родственникам», как сообщили ребятам. Тимур нахмурился, стискивая кулаки, Витка скривился, а остальные приняли как данность.

И забыли про них.

Жизнь джерцев вошла в колею, наполнив дни работой в поле и на заготовках, бесконечной возней в домах и маленьких огородах, охотой, уходом за козами и прочей скотиной. Ребят тоже занимали с утра и до ночи, только совершенно иными вещами.

Уроки джерра и эйлата, грамота, рассказы про быт, обы-

чай и законы. Травничество и основы магии для всех и углубленное их изучение для «избранных». Два урока верховой езды и три вылазки в лес, на «полевые» занятия. Времени на дежурства по кухне, стирку, уборку и прочие бытовые дела почти не оставалось, и Хильда пообещала выделить пару девушек в помощь.

Они и вправду прибыли – уже дней через пять. Три: две светловолосые джеррки среднего возраста и одна помоложе, темненькая и симпатичная, чем-то похожая на Ивара, уроженца Лиосса. Приезд стольких женщин разом всколыхнул живой интерес в мужской компании. Но старший маг быстро интерес этот остудил, заявив, что прибывшие хоть и тиры, то есть рабыни, но приехали они по делу и вообще собственность грена.

Линда не могла определиться со своим отношением к рабству в этой стране. Конечно, сам факт был ужасен, и мысль о том, что один человек может владеть другим, вызывала злость и отторжение. И все же тиры здесь обладали правами несколько большими, чем рабы, например, в Таэлли, сердце Империи. Джерр, дикий край бесконечных лесов, озер и гор, во многом был свободнее прогрессивного мира.

А еще где-то глубоко внутри девушки жила подленькая радость, что сама она свободна. Возникновению этой радости поспособствовал грен Лусар. Как-то раз он, разозленный упрямством Линды, обрисовал в красках, что было бы с ней, бездарной, останься она у торийцев. Впечатлило даже ее, а

уж Соня, которая невольно подслушала разговор, и вовсе начала икать.

Прошлая жизнь казалась далекой, будто подернутой дымкой. Сначала Линда сама гнала лишние мысли, а потом... потом привыкла: не думать, не сравнивать, не вспоминать. Жить – здесь и сейчас. Иногда собственное поведение удивляло, но времени поразмыслить над этим не было. Все силы, что не съедали лекции магов, отнимали уроки боя.

Обучал их сам тэн Рейнар, строгий, требовательный, но не злой. Тэн Снур же в процесс не лез, ни действиями, ни советами, что Линду радовало: мужчина этот симпатии не вызывал.

Кряжистый и в сравнении с остальными невысокий – явно кровушку уроженцев Хороира разбавили местной. Белая сетка шрамов на плечах, словно его кромсал на куски, а потом собирал заново какой-то безумный лекарь. Холодный взгляд глубоко посаженных глаз, улыбка, похожая на оскал. Девчонок мелких в его присутствии аж до икоты пробирало, да и самой Линде приставать с вопросами не хотелось. И, к счастью, не приходилось.

С гьярраваром этим, как и с его людьми, числом чуть больше десятка, ребята словно в параллельных вселенных вращались, встречаясь лишь изредка, в показательных боях. Воины тэна Снура питались отдельно, несли службу по охране периметра, обеспечивали деревню мясом и рыбой, словом, занимались своими делами и общаться не лезли.

Площадка для тренировок стала вторым домом почти для всех взрослых парней: Юры, Олега, Ивана, Дэна, Тимура и, конечно же, Виктора. Линда, единственная девушка в этой компании, кусала губы от зависти и восхищения, глядя на него. Парень больше года занимался фехтованием и «деревенских» разделявал только так. И все же до людей Рейнара, воинов по профессии, он никак не дотягивал. Удавалось порой озадачить непривычным стилем, но не больше. Каждый из них, опытный гьярравар, стоил пяти, а сам тэн – десятка.

Первый раз, когда мужчина, раскатывая слова на звучном рыкающем джерре, рассказывал про *гьярру*, особую внутреннюю «магию воинов», она смотрела недоверчиво. Нет, в образ местных вояк, здоровенных, сильных, безбашенных, боевой транс вписывался легко, но то, что это возвели в ранг учения, казалось странным.

Основой было *гьяр-до*, состояние, похожее на лечебную медитацию. Тэн Рейнар не раз говорил, что каждый воин должен прежде всего знать свое тело и его возможности, контролировать силы и уметь восстанавливать их.

На минимальном уровне эту науку знали многие, на севере детей начинали учить лет с десяти, на Хороире – и того раньше. Но гьярраваром воин если и становился, то лишь когда осваивал в должной мере *гьяр-ча* – гьярру, направленную вовне.

Увеличенная скорость реакции и повышенный болевой порог, телекинез, психические атаки и защита от них, чуть

ли не левитация – мастера умели многое. Рейнар говорил все это недоверчивым ребятам, а после махнул рукой и устроил демонстрацию. Ухмылочки с лиц мигом слетели! Линда и сама ощутила, как заполняет грудь бешеный восторг, а губы растягиваются в глуповатой улыбке. Она словно очутилась на съемках фильма, только здесь все было всерьез и гораздо круче.

– Вот и купил он нас, – сказал тогда Виктор, и девушка не могла с ним не согласиться.

Тэн ее завораживал, и умениями своими, и характером, и brutальной внешностью. Да, положи руку на сердце, и на большинство его воинов посмотреть было приятно. Она всегда восхищалась людьми, хорошо владеющими своим телом, и не упускала возможности чему-то у них научиться.

Витька перехватывал порой ее жадные взгляды и ухмылялся, она фыркала.

Так и жили.

Тренироваться приходилось много и тяжело. Она поблажек не просила, но чуяла, что в парных боях ее стараются беречь. Во всяком случае, так делали Виктор, Ваня, Ивар да и сам тэн. И все равно с рук, ног, боков не сходили синяки: старые не успевали отцвести, а уже появлялись новые.

Каждое утро тело гудело, и казалось, что встать нет никаких сил. Она ложилась ровно, пытаясь сосредоточиться и расслабиться одновременно, пробегала мысленным взором по телу и... ничего не происходило. Девушка злилась, и это

не способствовало успеху. Лишь раз она ощутила нечто похожее на то, что описывал их *гьярвен* – тэн Рейнар. Зрение будто отключилось, и на первое место вышло осознание тела, да столь яркое, что она испугалась и упустила состояние. И больше оно не вернулось.

Гьярра не давалась никак.

А Линда жаждала ее, как никто другой. Она видела в этих воинских забавах и реальную возможность развития: все же гьярраваров ценили как особую касту воинов – и любовь, возведенную в искусство. А она питала слабость ко всему, связанному с движением: к спорту, танцам, единоборствам...

Конечно, Джерр не был землей обетованной – об этом им не раз напоминал грен Лусар сразу же после рассказов о шикарных перспективах для магов, – но сейчас здесь было почти спокойно.

С Империей царил хрупкий, но все же мир. Хоть и не любили там гьярраваров, а тут – торийцев, но крупных сражений давно не случалось, и страны были в официальном нейтралитете. Стычки бывали, на границах вечно что-то делили, но чаще джеррцы страдали не от жителей Эйлатейи, а от северных «рыжих братьев» – джерриятцев.

Джерр, формально единый, делился на Джер-риот и Джер-рият, и полный покой в северных землях был редким гостем. От налетов джерриятцев, яростных и непримиримых, стонал весь запад: от Хороира, Холодного острова, ко-

лыбели северного народа, до городов на окраинах пустыни Сса, что располагалась далеко на юге.

И все же нынешний дзар, как и его отец, держал Джерр крепко, не выпуская из мозолистых ладоней ни на миг. Здесь дышалось легче, чем в Империи. Тут привечали магов, не стремясь заклеить каждого обладателя дара. Тут было больше свободы для женщин, пусть и находящихся на вторых ролях, но все же – не бесправных.

Тут было просто находиться в «здесь и сейчас», не отвлекаясь ни на воспоминания о прошлом, ни на мысли о будущем.

И теперь девушку ждал шаг навстречу грену Лусару.

Глава 8

Линда

Про то, что им предстоит, ребятам заранее не рассказали. Просто вместо обеда пригласили пройти к магу. Кто-то тревожился, кто-то ворчал, желая кушать, а не учиться. Линда поймала себя на том, что испытывает любопытство.

В доме, в который так и не довелось попасть ночью Мие, изредка проводили занятия. Линда была там всего пару раз, ничего странного не заметила. Дом как дом, больше на сарай похожий: глухие стены, никакой отделки, пол земляной. Пара узеньких окон под крышей, из мебели лишь лавки да столы, пустые или заваленные бумагами и разнокалиберными склянками. Помесь лаборатории с ученическим залом. Ни пентаграмм на полу, ни уродцев в банках, ни курящихся в тиглях зелий. Артефактов – и тех не видать. Скукота.

Но сегодня все оказалось иначе. От дома несло тошно-

творной сладостью, Линда даже споткнулась на пороге, замешкалась, не желая шагать внутрь. Хильда шикнула на нее, призывая не мешать остальным, подпихнула сзади, и войти пришлось. Там уже были оба мага, тэн Рейнар и тэн Снур, и парочка сильных гьярраваров – Ойстейн и Фин.

Ребят рассадили прямо на полу вокруг маленького очага. Ничего толком не объяснили, сказали лишь, что проверят их силы. В огонь полетел пучок травы, дым застелился по полу, и девушку накрыло новой волной неприятного запаха. Младший маг прошел по кругу, разнося всем отвар в кувшинчике. Остановился напротив девушки, привычно плеснул в кружку – немного, едва ли на четверть. Пить непонятно что, особенно в свете недавнего «приключения» Риты, не хотелось. Но грэн Иртен ждал, ждали и остальные, и Линда опрокинула в себя стаканчик. Ничего. Мир не перевернулся, да и на вкус оказалось не так гадко, как ожидала. Особого эффекта тоже не почувствовала, просто стало спокойней и будто бы даже тише, словно в уши пихнули немного ваты, а саму ее укутали в тепленький плед.

В душе шевельнулись подозрения. Смущали непонятные пассы грена Лусара и его помощника, их движения, похожие на странный танец, слова, летящие отрывистыми фразами. Ежу понятно – заклятия плели. Но какие? И зачем? Но спросить сидящую рядом Марго она не решилась, отчего-то побоявшись нарушить общее оцепенение.

Старший маг взял в руки крупный амулет, блеснувший

сталью, качнул на ладони. Грен Иртен жестом подозвал первого из ребят.

Им оказался Павел. Парень на год старше Витьки, а выглядит словно младше на два. Длинный как жердь, немного сутулый, шапка каштановых волос, рыдающих по расческе, вытянутое лицо. Неуклюжий и робкий, и занудный порой до тошноты. Но умный, этого не отнять. И, судя по отношению грена Лусара, магом станет прекрасным.

Амулет покоился в левой руке мужчины, а правая легла на лоб парня. Тот дернулся, чтобы отпрянуть, но сзади встал Фин и ласково попросил не рыпаться. Пашкиного лица Линда не видела, а по магу, вечно сдержанному, что-то понять было невозможно. Но вот дрогнула красивая маска, губы сложились в полуулыбку.

– Хорошо. Очень хорошо. Следующий.

Паше указали место у стеночки, а к грену Лусару шагнул Юрка. Процедура повторилась, но парень, крепкий и сильный, качнулся почти сразу. Он осел бы на землю, не поддержи со спины гьярравар. Маг махнул рукой, и Юру вывели из круга, но не к Павлу, а в сторону.

Ребята вставали по очереди и подходили к мужчине, он трогал лоб, поглаживал амулет и отсылал проверяемого к стене. Алина, Лиза, Марина, Дань – все отправились в первую группу, Юля с Денисом – во вторую. Камень металлически поблескивал и будто наливался серым свечением.

С Максом и Лерой маг вновь изобразил улыбку, а с Тиму-

ром нахмурился. Мальчишка, с которого едва сошли синяки последней драки, встал перед ним сердитым воробьем. В позе непреклонность, руки скрещены на груди. Линда ухмыльнулась. Тим в своем репертуаре: один против всех и всего.

Время шло, грен Лусар хмурился. Пальцы его стиснули амулет, ладонь надавила на лоб так, что невысокий и щуплый парнишка качнулся.

– Не противься моей воле, – прошелестел маг.

На Линду он даже не взглянул, но сила этого вкрадчивого голоса будто и ее зацепила. Девушка затрясла головой и упустила момент, когда Тимура взмахом руки отослали и кивнули на нее.

Куснула губу. Вот и пришла ее очередь. Набрала в грудь воздуха, поднялась на непослушные ноги и шагнула вперед – будто в омут нырнула. Маг смотрел не отрываясь, проверял будто, не учудит ли чего и она. В складке чувственных губ застыло раздражение, почти что злость.

На миг показалось, что все это уже было. И заклятие, и холодная рука на лбу, и внимательный взгляд карих глаз, но... миг прошел, мир качнулся, и Линда почувствовала себя слабой пушинкой, прибитой дождем. Блеснуло золотом, ноги, ватные, подкосились, и она рухнула в темноту.

Виктор

Виктор знал, что сейчас будет: очередь дойдет до него, и грен Лусар поймет, что невосприимчивых к ментальным воздействиям среди ребят как минимум двое. Он и Тимур.

Они с племянником, которого из-за небольшой разницы в возрасте все считали его братом, скрывали эту особенность долго – с того времени, как обнаружили, что остальные помнят события первых дней несколько иначе. Была мысль, что это именно они сошли с ума, но ее отбросили как несостоятельную. Другие ребята будто не видели несостыковок, да и вообще мало на что обращали внимание. Вопросов не задавали и мага слушали ой как внимательно! Не все, конечно. Мия дрожала и жалась, и блоки ставила, похоже, интуитивно.

Девочка почувствовала взгляд, распахнулись голубые глаза. Витька подмигнул, она вымученно улыбнулась, пальцы на миг перестали терзать край шоллы.

К центру круга шагнула Линда. Двигалась осторожно, берегла ушибленные ребра. Сегодня ей досталось от Юрки: в поединке открылась неловко, а парень этого не ждал и остановиться не успел, заехал по боку. Деревяшкой, конечно, но, если так, почти в полную силу, – приятного мало. Девушка тогда скривилась, глянула зло и с рыком ринулась в бой. Своей непримиримостью она походила на Тимура, но казалась

по-женски хитрей и дальновиднее, что ли. И никому ничего не спускала.

Вот легла на ее лоб ладонь, блеснул серо-алым камень, и Линда начала оседать. Маг, не выпуская амулета, не дал упасть, прижал к себе левой рукой. Тело девушки вздрогнуло и снова обмякло.

– Сели все! – рывкнул мужчина, перекрывая слаженный возглас-вдох. – Мы не закончили.

Встретился взглядом с каждым, кто вскочил с места: Рита, Олег... Витька и себя обнаружил стоящим на ногах. В тишине неожиданно громко прозвучал испуганный шепот Мии:

– Она не дышит. И сердце, оно... оно не бьется.

Виктор уставился на девочку. В глазах ее плескался такой ужас, что в страшные слова поверилось разом. Ринулся вперед, подхватил рыжую, выдирая из рук мага, положил осторожно на пол. Никто и не подумал его останавливать. Грен Лусар, всегда такой уверенный и невозмутимый, словно бы растерялся.

Ритка бухнулась на колени рядом, Олег опустился с другой стороны. Остальные ребята будто оцепенели, не решаясь подойти ближе. Пальцы молодой ведьмы стиснули запястье подруги, другое, она тронула шею, приложилась ухом к груди. С лица схлынула краска, губы дрогнули.

– Ну, что ты стоишь?! Помоги ей! – выкрикнула она, обращая горящий взор на мага.

Грен Лусар наклонился, цепочки с амулетами качнулись

перед носом у парня, вызывая волну раздражения. Вновь положил ладонь на голову Линде, и Витька едва сдержался, чтобы не схватить его за руку. Выражение породистого лица изменилось, вместо растерянности на нем появились досада и сожаление. Мужчина выпрямился, пальцы сцепились в замок.

– Сожалею, – сухо промолвил он. – Тут ничем не поможешь. Силы ее иссякли.

– Что значит «иссякли»? – севшим голосом спросила Рита.

Взгляд ее заметался. Искал что-то в лице мага и никак не мог найти. Девушка стиснула кулаки и рыкнула хрипло:

– Что ты с ней сделал, гад?! Влей эти силы обратно! Ну же, не стой! Просто верни, что отнял! Нельзя же так... Хильда?

Старая ведьма разлепила губы, словно хотела что-то сказать, но в результате лишь вздохнула и покачала головой. В складке между бровей застыла скорбь.

Мужчина произнес тихо:

– Не выйдет. Искра жизни погасла, увы, это необратимо. Это смерть. Мне... мне очень жаль.

Витьке показалось, что он ослышался.

Что значит «жаль»?

Как так – мертва?

Неужели вот так, по-глупому, – все? Выжить при переходе, не протянуть ноги в новом мире, а потом – ни с чего – умереть?

Одна дурацкая ошибка, и эта девушка не откроет больше глаза. Не улыбнется лукаво. Не фыркнет в ответ на его усмешку и не промурлычет что-то свое, ехидно-ласковое, под нос. Яркая и такая живая – всего минуту назад. Неужели больше ее не будет?

Не верю!

– Убили... – выдохнули за спиной голосом Сонечки. И истерично, навзрыд:

– У-уби-или-и-и!

Крик этот сломал тишину и оцепенение. Ребята шарахнулись назад, что-то разом заговорили, заохали, кто-то заплакал. Снур рывкнул короткий приказ, и Фин рванул к двери, но затем лишь, чтобы в проем, призванные им, ввалились новые воины.

– Долбаный маг! – зло плюнула Ритка. – Ну ничего...

Она отвела бешеный взгляд, откинула косы за спину и принялась командовать, разом превращаясь из ошарашенной девушки во врача. Олег взялся за искусственное дыхание, два через тридцать, а сама она принялась считать и ритмично давить подруге на грудь. Мия села в ногах, чтобы не мешать реаниматорам, выдрала штанину из туго зашнурованного сапога Линды. Узкая ладошка коснулась голой кожи, девочка прикрыла глаза, сосредотачиваясь на чем-то своем.

Все это мелькнуло на краешке сознания, когда Виктор поднялся и шагнул вслед за греном Лусаром, который пред-

почел отойти в сторону. Дорогу Витьке заступил Снур. Лицо воина было таким, что парню захотелось врезать не только магу, но и ему.

– Даже не пробуй, – сказал тэн, угадав его мысли.

– Это его вина, – процедил, сплевывая слова, Виктор.

Ярость в груди призывала рвать и метать, и добраться наконец до чертова мага, чтоб тряхнуть его за дела прошлые и нынешние, но парень наступил ей на горло и продолжил спокойно, насколько мог:

– Взял и угробил здоровую девушку, просто так, опыта ради. Жаль ему, как же! С-с-с... – Виктор с трудом проглотил ругательство, выдохнул: – Стоит и не делает ничего, чтобы помочь. Не пытается даже.

Грен Лусар тронул джеррца за плечо, тот шагнул в сторону. Ритка скомандовала «вдох», и взор парня невольно упал на Олега, который, зажав пальцами нос Линды, накрыл своим ртом ее. Ни разу не эротично, но в груди шевельнулось что-то непонятное. Виктор стиснул зубы и кулаки, обернулся к мужчине. Взгляд заметался в поисках решения, хоть какого! Зацепился за виноватые глаза мага, губы, в складке которых злость, растерянность, опять сожаление, пробежался по цепочкам на его груди и остановился на амулете.

– Дай-ка мне эту штуку.

Тот, будто замороженный, глянул на крупный камень в массивной стальной оправе. Качнул головой.

– Опасно, слишком много здесь силы. И вам это не помо-

жет.

– Делись давай, ей хуже уже не будет.

Маг молчал, сверлил взглядом. Витька шагнул ближе, сказал тихо:

– Если она умрет, тебе это никто не простит. Никогда. Сколько память ни правь. И кто тогда будет врагом? Разве торийцы?

И добавил, протягивая руку, сжатую до того в кулак:

– Давай уже, ну!

В ладонь лег амулет, теплый и тяжелый, и Виктор бросился обратно. На лбу Ритки блестели капельки пота, косы упали вперед, но девушка, ничего не замечая, давила и давила на грудь подруги, считала, командовала Олегу и щупала пульс в перерывах.

– Держи.

Маргариту при виде камня аж передернуло.

– Убери эту гадость! – выкрикнула она. – Не мешай, Вик!
Мы... сейчас...

Она куснула губу и вернулась к работе.

– Просто попробуй. Возьми и влей силу, как Одрику, только разрядом.

Девушка переменялась в лице, в глазах зажглись по очереди понимание, надежда, сомнение.

– Дефибрилляция?

– Типа того.

– Я... не знаю, – выдохнула Марго. Пальцы ее на миг вце-

пились в рубашку Линды, словно в спасательный круг, но тут же ладони снова легли друг на друга и продолжили надавливания. – Не знаю. Что это за штука... и как с ней работать... вдруг она только берет? Вдруг мы сделаем хуже?

– Некуда хуже, – отрезал Виктор. – Ты ведьма и врач, у тебя все получится.

«Ты же не дашь ей умереть, правда?»

Хотел сказать, но промолчал, сунул только злосчастный амулет в руки. Рита вдохнула и выдохнула, камень нацелился на ложбинку между грудей Линды.

– погоди! – окрикнул Павел.

На колени бросился, закрывая ладонями девушку от амулета.

– Чтоб тебя! Паша! – вскрикнула Рита.

– У нее что-то не так с контурами, ты разве не видишь?

И на этом висит заклинание.

– Говорю же, у вас не выйдет, – устало произнес маг.

Пашка, такой спокойный обычно, сорвался на крик:

– Так помоги же!

– Чтоб тебя, Павел! Я не лекарь и не некромант, сколько вам говорить! Я не знаю, как возвращать людей к жизни! Никто не знает.

– Врач у нас есть. Просто рассей последнее, что было на камне, а мы сделаем остальное.

Грен Лусар пожал плечами. Движения его казались такими медленными, что хотелось для скорости дать пинка. Сле-

лал несколько пассивов, что-то прошептал. Паша кивнул и присел рядом с Линдой, его пальцы скользнули в рыжие волосы, обняли голову. Глядя на его сосредоточенное лицо, хотелось верить в успех. Хотелось, но... сколько минут прошло? Пять, десять? Или пятнадцать? Через какое время мозг погибает?

Время... это чертово время работает не на них!

– Давай! – скомандовал Пашка.

Ритка выдохнула и прижала камень к груди подруги. Раздался треск, сверкнула вспышка, тело Линды вздрогнуло, и Маргарита кинулась слушать сердце. Черные брови нахмурились, она вновь взялась за амулет.

– Еще! Еще! И... еще!

Рыжая выгнулась дугой, касаясь пола лишь затылком и копчиком, зеленые глаза распахнулись. Со всхлипом втянула воздух, рот открылся в беззвучном крике. Рита отдернула руки, и подруга закашлялась и обмякла, вновь теряя сознание.

Маргарита тронула ее шею, нащупала пульс. Медленно выпрямилась.

– Стучит, – шепнула она, словно не веря в то, что у них получилось. – Стучит! Чертовы маги, ненавижу вас всех!

Пряча слезы, ткнулась в плечо покрасневшему Пашке.

В голове у Витьки звенела пустота. Он смотрел на то, как вздымается тихонько и опускается грудь девушки, как Мия гладит ее ногу, а Олег перебирает рыжие волосы.

Жива.

Она снова жива.

– То, что вы сделали, – невероятно, – раздалось за спиной.

Обернулся резко. Маг смотрел внимательно, и было в его взгляде что-то такое, от чего зачесались вновь кулаки. Любопытство, холодный интерес ученого-экспериментатора.

– Да. Эти двое исправили твою ошибку.

Мужчина втянул резко воздух, процедил:

– Со всеми бывает, увы.

– Бывает. Только когда цена – чья-то жизнь, надо быть осторожнее. А не играть нами, будто мы и не люди, а так, зверюшки подопытные.

Маг поджал губы. Не привык, чтобы отчитывали. Но во взглядах ребят обожания поубавилось, некоторые так и во все волками смотрят. Потому выслушает грена все, что Витка сказать захочет, и даже к сведению примет.

– Лосху, – наконец сказал мужчина, протягивая ладонь. – Амулет-накопитель отдай.

Рита оторвалась от Пашкиного плеча, в темных глазах полыхнула злоба.

– Ага, разбежался! Линды мало? Еще кого-то угробить захотел?

– Рит, дай мне, – попросил Виктор, но смотрел при этом только на мага. – Опытов больше не будет. Ни зелий, ни заклинаний. Ничего без нашего ведома и согласия. Ведь так?

Народ сверлил взглядами, маг кивнул. А что ему оставалось? Конечно, сила и власть за ним, но, ломая ребят сейчас,

рисуешь лишиться последних капель доверия. А они ой как ценны!

Их пугали еще с начала – лесом и неизвестностью, злыми торийцами, рабством, иными тварями. Но Виктор быстро понял, что с детишками столь одаренными будут носиться. Из раба хорошего мага не выйдет.

А грену Лусару зачем-то очень нужны хорошие маги.

Глава 9

Линда

Ей снился лес.

Темно-зеленый, хвойный, прекрасный в любое время года. Колючие ели и ароматные сосны, лиственницы с узловатыми, будто артритными, ветвями и пушистые пихты. Вращенный щедрой рукой Сожьяры, девы земли, расплескался он по обоим склонам, сползая в долину короткими щупальцами.

У семи озер, в вотчине Холасы, сменяло его звонкое разнотравье. Сотня родников питала озера и рождала Северу, великую реку Севера, что катила воды свои к Холодному океану. Дева воды с черными косами до земли плела крепчайшие сети – накормить самых удачливых из детей Джерра, подарить им небывалый улов.

Встряхивала рыжими кудрями Йираса, дева огня, и смех

ее летел над поляной. Тонкая, гибкая, как само пламя, она танцевала на раскаленных углях, и сестры ее улыбались юному задору.

А наверху, едва задевая вершинки сосен, бежала самая ветреная из сестер – Отта, чья руна была подобна выдоху. Она что-то кричала Линде, и эхо гуляло меж гор над лесом, и слышалось: выбирай...

Тело едва не звенело от наполняющей его силы. Хотелось бежать, лететь и орать, до того легко стало и хорошо. Линда зевнула и с наслаждением потянулась. Распахнула глаза.

Дощатый настил над головой, в полосе света пылинки кружатся. Судя по теням, далеко за полдень, для тренировки время. А она в постели! Ох, и влетит от гьярвена...

Линда села резко, пытаясь понять, как здесь оказалась. Обуви на месте нет, зато надеты штаны. Она что, спала не раздеваясь? Да еще и внизу, не на своем месте. Вроде не напивалась вчера... Да и пить-то нечего, грен Лусар постарался. Запер все хоть чуточку алкогольное и велел не трогать без особых на то причин.

Грен Лусар...

Скользнуло обрывком памяти: полутемный сарай, круг из ребят, красноватый камень, блестящий металлом, ладонь холодная на лбу, взгляд карих глаз... темнота. Сознание тогда потеряла, что ли?

– Да что за...

Она встала и босиком двинулась к двери, отчаявшись най-

ти обувь. В общем зале было полно народа. Кто-то вскрикнул, к девушке воробышком порскнула Мия, обняла неожиданно крепко. Рита взялась мять и крутить, и сыпать вопросами, а остальные – говорить разом, поздравлять и пытаться потискать, в постель уложить или утащить за собой «на воздух».

А потом были долгие объяснения и новые объятия, Витькин взгляд, такой сияющий и счастливый, пирушка вечером и извинения грена Лусара. Конечно, не публичные, ничего не меняющие, но дающие надежду, что маг, виноватый «от» и «до», не посмеет отказать ей в просьбе.

Какой – она еще сама не решила.

И лишь ночью уже, лежа под одеялом, Линда вспомнила свой странный сон и вздрогнула, понимая, что обычным сном это быть не могло.

Девы земли, воды, огня и ветра – четыре сестры, почитаемые на Севере едва ли не больше старых богов. О них рассказывали легенды, их руны рисовали, поясняя, что любой маг-стихийник начинает именно с этого. К сестрам обращались с просьбами и подношениями, но сами они одаривали не всех.

И уж точно не предлагали выбор.

...ты в своем праве.

Выбирай, но не сетуй потом, что шагнула не к той.

Вот дары наши. Выбирай...

Она чесала ладонь, вспоминая гладкую прохладу зерна,

предложенного Сокьярой, и холодную колкость льда у ног Холасы, щекотную легкость перышка из волос Отты, на которое дунь – улетит, и тепло остывающего уголька, который кинула в нее Йираса, смеясь.

Что она тогда выбрала? Что? Не вспомнить...

И что все это значит? Какую-то одаренность или игры сознания во время клинической смерти? Может, и не было ничего, а сон – просто сон?

– К черту! – тихо, но зло выдохнула Линда, садясь. – Марго мне нужна. Не спать, так вместе.

Маргарита словно ждала, когда ее разбудят. А может, и не засыпала вовсе.

– Пойдем подышим, – сказала она, едва взглянув на искушенные губы Линды. – И пусть только попробуют остановить.

Люди Рейнара даже не пытались, лишь проводили хмурыми взглядами. Джеррская ночь начала лета, больше похожая на сумерки, встретила влажностью и прохладой. Линда поежилась, жалея, что не прихватила плащ.

За домом, у привычного дровника, Марго оставила подругу и вернулась с кем-то высоким и худым. Павел. Удивление Линды мгновенно сменилось пониманием. Кому, как не ее спасителю, прояснять ситуацию.

О том, что ее повреждение не физического характера, она узнала еще днем. Что-то, словно удар током, остановило сердце и пробило здоровенную дыру напротив груди, види-

ую лишь магам с их особенным зрением. И она умерла... умерла бы, если б Паша ее не «залатал».

Он сделал то, о чем помыслить не могли остальные. Грен Лусар точно знал: разрыв и погасший контур – это слишком серьезно. Необратимо почти. Некромант нужен, чтобы удержать на краю, и очень талантливый лекарь, способный работать с тонкой материей. И то не факт, что получится, ведь счет идет на минуты.

Опытный маг все это знал и принял как данность, а Павел – нет. Увидел, сцепил края «раны» и срастил. Без обрядов, ритуалов и заклинаний, с помощью одной лишь сырой силы и своего дара. А Марго запустила сердце, жахнув энергией, как разрядом.

Неправильно, ненаучно и сумасбродно. И – эффективно. И контур ее, говорят, засиял, подтверждая: жива.

Линда поморщилась, вспоминая Пашкину лекцию о теории контуров. Парень говорил как по книгам: долго, подробно освещая вопрос, и порой так заумно! О том, что «контуров» у человека два. Первый, нечто вроде ауры или биополя, обозначал собственные силы человека, его резерв, и определял его как мага. «Возможного мага» – вспомнилось замечание Павла о том, что можно иметь большую силу, но при отсутствии дара магом не стать. Разница между первым и вторым контуром отвечала за восполнение энергии. Говорили, что лучше иметь большой зазор между контурами, чем просто немалый первый.

У Паши, по словам грена Лусара, было прекрасно все. И ауры чертовы, и яркий дар, и несомненный талант с даром этим управляться. Маг парня ценил. А парень – мага?

Линда засомневалась, рассказывать ли ему про сон. Будь это Виктор, не раздумывала бы ни секунды. А Паша... С ним все сложнее. Вроде и свой, но не совсем.

Молчание затягивалось, и она решилась.

– Знаете, а мне ведь сон снился...

Она извинилась мысленно перед девами, надеясь, что не нарушает какой-то неписанный закон, запрещающий о них говорить. И рассказала, как помнила: и про лес, и про уютную поляну с костром, и про сестер и предложенный ими выбор.

– И что ты взяла? – напряженным шепотом спросила Марго.

– В том-то и дело, что я не знаю. Ладонь помнит все, словно в руках держала. Но забрала ли что... Нет, не помню! И что вообще все это значит?

Маргарита двинула плечом.

– Покровительство одной из сестер. Или же ничего. Я не сильна в местных легендах.

– Так это просто легенды?

Ребята переглянулись.

– Не думаю, – ответила Рита. – Очень многое здесь не просто так.

– Так они есть или нет? Магию я еще могу как-то принять – она вроде альтернативной физики с химией, но сестры-бо-

гини... Это как-то слишком.

– Ага, и это говорит человек, который попал в другой мир, умер, а потом ожил.

Линда усмехнулась.

– Расскажем грену Лусару, – предложил Павел.

– Нет! – резко отозвалась девушка и даже встала с любимой колоды. – Только не ему.

– Он тот, кто может помочь. Как минимум информацией.

– Помог уже – едва не угробил. Ребят, спасибо еще раз, если б не вы, меня бы здесь не было. А маг этот гребаный... Чертов экспериментатор! «Ритуал безопасный»... Ага, куда там!

– «Просьба о силе» не должна была так сработать, – с сомнением протянул Павел.

– Но сработала. И почему? И почему только на мне? Вот ты, Паш, хоть что-то почувствовал? Комариный укус, не больше. А я... Хех.

Он пожевал губами, сказал неуверенно:

– Силы у тебя мало, верно. А еще со вторым контуром что-то...

– Что?

– Не то. Грен Лусар его не видел.

– А ты? Ты же умеешь, я знаю.

Парень ссутулился и отвел взгляд.

– И я.

– Значит, его нет?

– Его не может не быть.

– Угу. «Он есть, его не может не быть», – насмешливо передразнила Линда.

Но Павел, вопреки обыкновению, не смутился. Ответил серьезно:

– Именно. И это значит, что либо он слишком мал и почти сливается с первым, либо...

– Слишком велик? – перебила девушка. – Не смеди меня.

Ты сам-то себе веришь?

Парень покраснел, и Линда хмыкнула. Ага. Верит, как же!

Он спросил невпопад:

– Ты как себя чувствуешь?

– Хорошо.

– Просто хорошо или как-то особенно?

– Я думала, Марго у нас врач.

– Я просто пытаюсь разобраться.

В голосе Паши прозвучала обида, и девушка невольно улыбнулась.

– Я знаю. Но пока не очень выходит. Да и хрен бы с ним, с контуром этим. Все равно маг открытым текстом сказал мне днем, что дело гиблое.

– Так и сказал? – усомнилась Марго.

– Дословно: «Магом тебе не быть. Никогда». И глянул так... Ну, ты понимаешь.

– Мда.

Лицо у Риты стало сочувственным донельзя. Линда трях-

нула головой, пытаясь справиться с раздражением. Никогда не любила, чтобы ее жалели.

– Ладно. Нет так нет. Зато Рейнар меня учит, и я этому рада. Гьяр-до освою, там много сил не надо, все дело в концентрации. А гьяр-ча... Что же, посмотрим. Этот мир... Он восхищает меня и пугает одновременно. Такой brutальный, такой мужской. А мне, знаете, от мужиков зависеть очень не хочется. А так хоть какая-то свобода будет. Даже если гьяр-раварой не стану.

Подруга шагнула ближе.

– Грен Лусар обещал нам защиту.

– Ага, обещал. Но тогда он не знал, насколько мы слабы – и как маги, и вообще. Я и Витька с Тимуром, Дэн и остальные. Из тех, с кем занимается Рейнар, не слишком плох разве что Ваня, но он магов на дух не переносит. И ведь даже его гренем не назовут. Выходит так, что из всех везунчиков мы – самые... «удачливые». В мир этот нас дернули всех вместе, и все что-то потеряли. А что получили взамен? Кто-то – магию, ну а мы... ни-че-го. Дырку от бублика. Обидно, да. И капельку страшно. Иметь права немногим большие, чем у раба, всегда страшно. И не надо говорить, что я девушка и отношение ко мне особое. Оно настолько особое, что у меня слов приличных не хватает. Мальчишкам хоть воинами можно быть без зазрения совести, или ремесленниками, или еще кем, а у девок в этом мире дорога одна: рано или поздно найти себе мужика. Мужа там или еще какого покровителя.

А я – не хочу! Чтобы давили на меня, не хочу, и изгоем становиться – тоже! Это у тебя как у гренны будет статус, а я... А, что теперь говорить!

Замолкла, стиснула кулаки. Першило от горечи в горле, жгло в груди.

– Ты на нас злишься? От того, что нам повезло больше?

– Нет, Марго, на вас – не злюсь. Извини.

Линда с силой провела ладонями по лицу, от носа к вискам, встряхнула кистями. Встала резко, едва не задев Марго.

– Все это пустое, забудь. Я как-нибудь справлюсь. И с разочарованием своим, и со всем прочим. Живы, пока живем, да? И, Паш, пожалуйста, не говори ничего магу. Знаю, ты ему доверяешь, но я – нет. Он может быть сколь угодно хорош в своем деле, но это человек, который меня едва не убил. И слишком быстро с этим смирился. И знаешь, доверять ему свою ценную тушку после этого я не намерена.

– Но он... – начал Павел, но Линда шагнула ближе и закрыла ему рот ладонью, от чего парень замер, а потом начал мучительно краснеть.

– Ни слова больше. Спасибо, что выслушали, ребят. И не пойти ли вам спать? Ночь на дворе.

Она выразительно огляделась. Сумерки стали гуще, казалось, их влажную серость можно цедить сквозь пальцы, но до темноты было далеко.

Рита уперла руки в бока.

– А сама куда собралась?

– Прогуляюсь.

– Тэн Рейнар будет против, – подал голос Павел, отходя от Линды подальше.

Она хмыкнула.

– Пусть. Посмотрю, как он меня остановит.

Развернулась и ушла, затылком чувствуя взгляды. И оттого еще ровнее держала спину.

Как-то не так разговор прошел. Ни понятней, ни легче не стало, лишь разбередило старую рану – обиду на невесть кого, обделившего магией. До сна этого она и не знала, что в ней столько злости. А тут словно поманили обещанием волшебства, открыли дверь в чудесный мир, а потом захлопнули перед носом, спихнув с порога.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.